

АЛЕКСАНДР МАЛАШКИН

МАС ВРЕМЕНИ

Александр Малашкин

Глас Времени

«Accent Graphics communications»

2014

Малашкин А.

Глас Времени / А. Малашкин — «Accent Graphics communications», 2014

2015 год. Московский учитель отправляется в страну своей мечты – Германию, чтобы провести долгожданный отпуск. Но встреча с загадочным незнакомцем впутывает его в череду невероятных событий. Германия времен Второй мировой войны, Земля юрского периода, будущее, где технологии победили смерть – что может связывать эти эпохи? Что объединяет полковника СС, его адъютанта, современного полицейского и учителя немецкого языка? И какую роль в этой истории играют Адольф Гитлер и таинственные пришельцы, живущие льдах Антарктиды? Тех, кому суждено выполнить миссию и изменить ход истории, ведет сквозь столетия необъяснимый и судьбоносный Глас Времени...

© Малашкин А., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Александр Малашкин

Глас Времени

Пролог

Мюнхен. Ноябрь 1933 года

– Трудно представить, насколько велика Вселенная. Несправедливо думать, что, кроме как на Земле, в ней больше нет жизни. Далеко, близко – другой вопрос. В сущности, что есть расстояние? Говорить, о невозможности перепрыгнуть из Солнечной системы в другую, полагаясь на скромный научный опыт сегодняшнего человечества, просто невежливо. Вселенная удивительнее, чем её сегодня представляют люди, и она скрывает много потаенных возможностей, «кратовых нор», «червоточин» и прочего. Нужно только время, чтобы все это нам открылось. Между тем, кому-то уже повезло. И этот кто-то находится теперь совсем близко, – высказался мужчина аристократически-профессорского вида. В свете камина, благодаря седой бороде и длинным густым волосам, его можно принять хоть за Дмитрия Менделеева, хоть за Карла Маркса, однако он далек от этих людей и имя его не известно. По крайней мере, настоящее. В узком кругу его знают под именем Клосс.

– Впервые сталкиваюсь с такими воззрениями. Это очень интересно. Но у меня другой вопрос: можно ли считать представителей иных цивилизаций, которые попадали или попадут на Землю, враждебными? – спрашивает второй человек в кресле напротив. Мерцающий свет камина превосходно освещает его. Первое, что бросается в глаза, – мужчина шикарно одет. На нем роскошный серый костюм, дорогие туфли. Плюс – он гораздо моложе своего бородастого собеседника, и его выбритое лицо блестит в свете огня. Своего имени он не скрывает: его зовут Лабберт. Лабберт Голдхабер.

– Если рассматривать художественный пласт информации, который создал и создаст для себя человек, то, несомненно, такое впечатление создается, – отвечает Клосс. – Что ни пришелец, то разрушитель. Большинство так думает, потому что именно так люди и поступили бы, прилетев на другую, более отсталую планету.

– Значит, существуют и «добрые пришельцы»? – Лабберт достает сигарету.

– А вы сомневаетесь? И для того, чтобы быть добрыми по отношению к нам, им вовсе не обязательно быть на нас похожими. Для них доброта – это норма. Так же, как для большинства людей – агрессия и разрушение. Я бывал в разных странах, перемещался во времени, и мне хорошо знакома типичная человеческая натура. Из века в век она мало отличается. Мы все те же первобытные дикари, только теперь на автомобилях, самолетах и танках. Но так не может продолжаться вечно. Пришло время открыть секрет: наше Тайное Общество намерено выстроить совершенно иную мировую концепцию. Примерно за триста лет мы должны поменять природу человека и ментально сделать его похожим на тех, кто сейчас живет в Антарктиде. Если этого не произойдет, мы обречены на гибель. Мне дали возможность увидеть, каким будет мир, если мы этого не предпримем: сплошная пустыня и кучки вымирающих видов, дерущихся друг с другом за еду. Вот что ждет человечество, если оно не станет похожим на Них.

– Сложность в том, что мало какая идея живет дольше поколения своих создателей. То, о чем мы сейчас говорим, скорее всего, превратится в песок, разгоняемый ветром времени... Давайте смотреть правде в лицо: даже нашему Клубу не суждено просуществовать вечно. – Лабберт подносит к сигарете спичку. – И воплотить концепцию, которая в основе своей посяг-

нет на такую глубокую человеческую черту, сложно даже за триста лет. Что-то похожее, я имею в виду стремление к свободе, борьбу за права человека, уже не одну сотню лет пытаются воплотить потомки отцов-основателей Соединенных Штатов Америки. Что из этого получается, вы видите сами. Про коммунистов с их материалистическим представлением о мире я вовсе промолчу. Они не брезгают строить счастье, закладывая его фундамент на костях и крови.

Поскольку Лабберт являлся гражданином Германии и перед ним сидел человек, входящий в нацистское правительство, он не рискнул осуждать сегодняшний гитлеровский строй. Хотя его бы за это никто не наказал: члены закрытого Клуба могут говорить между собой о чем угодно. Он лишь опустил взгляд и замолчал. Но спустя некоторое время печально добавил:

– Жизнь человека слишком непродолжительна для воплощения таких идей. И вряд ли с тем, что сейчас обсуждаем мы, согласятся наши потомки.

– Вот поэтому мы, старики, – Клосс показывает на свою бороду, – и нуждаемся в таких молодых людях, как ты, Лабберт. Молодой специалист, обладаешь знаниями в областях физики, математики. У тебя большие перспективы, скажу я. Но молодости свойственны творческие поиски и метания. Мы тебя от этого уберем. План твоих действий на ближайшие десять лет уже нами составлен. Ты будешь просто выполнять задания и ни о чем не думать.

Лабберт приподнимает брови и смотрит на Клосса сквозь густой сигаретный дым.

– Через несколько лет в нашей стране начнет существовать общество, которое будет называться «Аненербе», – объявляет Клосс. – Оно не заменит наше, просто станет одной из его ветвей. Тебе обеспечено высокое место. И это станет первым твоим заданием. Остальные напутствия получишь по мере необходимости.

Перспектива стать куклой не очень-то прельщает Лабберта, но, вступав в тайный Клуб, он знал, на что шел – члены этого общества клянутся делать всё, что потребует большинство. А раз Клосс так вольно распоряжается жизнью Лабберта, то мнением большинства он уже заручился.

– Пойми, мы будем за тебя все решать, однако это не означает, что твоя жизнь превратится в киносценарий. Ты проживешь очень яркую и насыщенную жизнь. Возможно, даже более интересную, чем прожил я, а я, друг мой, отведал многого. Да и то, так будет не всегда – десять, в крайнем случае, двадцать лет.

Лабберт быстро прикидывает: через двадцать лет ему исполнится 57. В принципе, хороший возраст, для некоторых это только расцвет.

Клосс извинился, покинул кресло и проскользнул в соседнюю комнату. Этот человек вообще обладал какой-то дьявольской особенностью «проскальзывать». Он мог пройти мимо вас, и уже через минуту вы бы не вспомнили, было это на самом деле или только привиделось. На него можно смотреть часами, но стоит отвернуться, то вспомнить его лицо или общие черты почти невозможно. Единственное, что припомнится – борода. Будто кроме нее у него и нет ничего. Говорят, он мог затеряться в пустом тупиковом переулке. Также говорили, его часто видели в двух местах одновременно. Вот такой загадочный Клосс, «отведавший многого». Человек вне времени, вне пространства.

Он вернулся через минуту. Принес картонную папку, завязанную белым шнурком, и протянул её Лабберту.

– Это тебе. Здесь расписан каждый твой шаг. На первых порах не вздумай проявлять самостоятельность. Над картой твоей жизни трудилось много людей, и не только людей, – проскользнула таинственность. – Не запори их труд.

Лабберт поспешно затушил сигарету и поднялся.

– Будьте уверены, я сделаю, как здесь написано.

Какое-то время беседа продолжается, затем Лабберт прощается, идет в прихожую. Пальто, шляпа, темный подъезд. Ночной ноябрьский ветер трогает лицо. Дом его в двадцати минутах ходьбы отсюда. По улице на медленной скорости двигается автомобиль с «шашечками», водитель через стекло смотрит на одинокого пешехода. Но такси ему сегодня не нужно, ибо он летит на крыльях подаренного энтузиазма. Он подает водителю отрицательный знак и идет дальше. Начинается дождь. Странное ощущение заставляет его обернуться на окна покинутой квартиры. Свет погашен. В это мгновение в комнате на втором этаже, где он только что сидел у камина, что-то сверкает. Синхронно со вспышкой раздается приглушенный хлопок. Лабберт опрометью устремляется обратно. Темный подъезд, лестница, дверь. Толкает – не заперто. В квартире темно. Это странно, ведь когда он уходил, в прихожей горел светильник. Вряд ли Клосс стал бы его гасить, поскольку это своего рода ночник.

В ноздри ударил резкий запах пороха.

«*Это очень плохо*», – подумал Лабберт и двинулся в зал.

Огонь в камине догорел, и лишь насыщенный оранжевый свет исходил от углей. Он падал на предметы, разбрасывая по стенам жутковатые тени. Ботинок Лабберта наступил на что-то мокрое. Нагнувшись поближе, он сначала вглядывался, пытаясь понять, что это за лужа, затем резко отпрыгнул назад. Сомнений не было: кровь. Рядом с лужицей валялся пистолет. Но где тело? Лабберт обошел все комнаты, заглянул даже в кладовку – пусто. Что делать? Где Клосс? Кто поверит, что человек просто взял и исчез, оставив после себя лишь немного крови и пистолет!

Конечно же, все подозрения лягут на меня. Боже, зачем всё это?

Лабберт возвратился в каминный зал и случайно бросил взгляд на кресло, в котором всегда отдыхал Клосс. На сидении белел маленький листочек бумаги. Он подошел – что-то написано. Поднял. «**НЕ ЗАБЫВАЙ, О ЧЕМ МЫ С ТОБОЙ ГОВОРИЛИ. И НЕ ОТСТУПАЙ**»

Лабберт прикусил губу и оглянулся по сторонам. Затем ненароком перевернул записку. «**ЧЕГО ВСТАЛ? БЕГИ!**»

Записка упала на горящие угли и загорелась.

Лабберт скрылся в темных ноябрьских переулках Мюнхена...

Глава 1

1

Зашторенная комната тиха и свежа. Выключенный телевизор, стакан воды и широкая двуспальная кровать. Тремя секундами ранее на нее плюхнулся человек.

Ухо уютно притиснуто к мягкой подушке, плечи чувствуют прохладу свежей простыни. Организм в предвкушении сладкого сна. Но сквозь туман слышится какой-то нервирующий треск: не то дятел стучит, не то сосед долбит перфоратором. Мужчина в постели не успевает уснуть и застревает где-то посередине. Если человека пытаются разбудить в таком состоянии, сознание мечется, подобно загнанному зверю, и не ведает, как поступить. Поддаться слабости и крепко заснуть, или же подскочить и разобраться, в чем дело? Иосиф выбирает второе. Он поднимается на ноги и только через пять секунд понимает, что причиной этого противного треска является вовсе не привидевшийся дятел, воплощенный в неусидчивом соседе – это звук дверного звонка, искаженный сонным сознанием. Иосиф сжимает кулаки и, шлепая тапками, выбегает из спальни. Звон в дверь раздаётся снова. На этот раз настойчивее.

– Вы с луны упали?! – кричит Иосиф, еще не дойдя до двери. – Ну, сейчас я вам...

Даже не посмотрев в глазок, он в ярости стискивает зубы и с размаху дергает шпингалет. Им овладевает злость. Ведь друзья и знакомые знают: в это время суток старину Иосифа лучше не тревожить, поскольку старина Иосиф подолгу засиживается за работой и ложится под утро. В образовавшуюся щель тотчас протискивается черная перчатка, пальцы вцепляются в край двери и рывком распахивают ее. Иосиф в гневе от такой наглости. Как ни странно, ему даже не приходит на ум, что это вполне могут быть грабители. В этом плане он спокоен, ибо уверен: в его холостяцкой квартире особо воровать нечего; он въехал недавно и не успел обзавестись ценностями.

– Что вы себе позволяете? – выпаливает он в бешенстве. Его взгляд все еще прикован к перчатке. Кажется, так и смотрел бы на нее, не заговори с ним ее обладатель.

– Мы должны забрать вас, собирайтесь! – говорит грубый мужской голос. Иосиф молниеносно вскидывает глаза и видит перед собой, то, чего в природе быть не может. По крайней мере, в нормальной природе. На площадке стоят двое в черных блестящих плащах, один в фуражке с орлом вместо кокарды, второй в стальной каске, на руках красные повязки с черной свастикой на фоне белого круга. Иосиф думает, что ему это снится, и собирается развернуться, однако голос второго гостя заставляет остановиться:

– Schnell, schnell!

Иосиф тотчас узнает знакомый язык. Еще бы, ведь он школьный учитель немецкого.

– Ja-ja, – усмехается Иосиф.

Он считает, что это шутка, разыгранная его учениками, и полусонную злость вытесняет теплый позитив.

– Оригинально придумано! Но где вы раздобыли фашистскую форму? Ограбили музей на Поклонной горе?

– Форма нашей доблестной родины. Нашей партии! – грубовато отзывается тот, что в фуражке.

Иосиф окончательно выходит из полусна и понимает: перед ним не ученики-старшеклассники, это дядьки за сорок. Они даже старше его самого. Но что им нужно? У первого чуть распахнут плащ и видна кобура, у второго на плече висит автомат. Иосиф смекает: обра-

зец – не музейная бутафория с извлеченными внутренностями, это самый настоящий боевой пистолет-пулемет МР-40. От него на весь подъезд пахнет оружейной смазкой.

– Если вас ко мне направила ваша партия – убирайтесь в задницу! Я с нацистами дела не имею! Если я работаю школьным учителем немецкого языка, это не означает, что я приверженец тех самых взглядов. Боже, как глупо так думать...

На шум выскакивает сосед.

Слесарь Алексей Николаевич маячит волосатым пузом.

– В чем дело? – спрашивает он, поглаживая лысину. – Вы кино снимаете? Про войну?

– Так точно! – поворачивается к нему немец в фуражке с орлом. – «Гости из прошлого» называется. Слышали о таком? Нет? Только цыц! – это я по секрету.

– Все, понял, ухожу, – бормочет сосед и закрывает за собой дверь. Но, не успев повернуть ключ, вновь открывает. От лысины отражается свет энергосберегающей лампочки.

– А свободной ролишки случайненько не найдется?

– Нет, уважаемый, – по-русски отвечает невозмутимый немец. В его голосе чувствуется легкий акцент. Любой другой не поймет, но Иосиф в этом деле собаку съел. – Все роли расписаны.

Дверь захлопывается.

Иосиф хочет крикнуть соседу, чтобы тот вызвал полицию, но человек в каске предостерегающе хватается за оружие.

– Nicht! – оскаливается он. Иосиф замечает белые зубы, среди которых притаился один золотой.

– Ладно, ладно... ни-хт-ни-хт...

Иосиф медленными шагами отступает вглубь квартиры, заглядывает за угол и видит трехлинейную винтовку Мосина, приставленную к стене. Из глубины дверного проема немец наставляет на него автомат.

– Ни-хт... ни-хт, – продолжает шептать Иосиф. – Подождите, голубчики... подождите, родные. Будет вам и родина, и партия...

Рука Иосифа тянется к винтовке. Он хватается и вскидывает ее как заправский солдат. Но немец в фуражке уже здесь. Мосинка упирается в плащ. В руке напротив пистолет Люгера.

Они стреляют одновременно, но, кажется, пуля настигает Иосифа первым.

– Очнись! Скотина, очнись! – кричит склонившийся над Иосифом второй немец в каске. – Чего разлегся, мразь этакая? Притворяться вздумал?! Знаешь, кого ты подстрелил?

Солдат выражается по-немецки, но Иосиф отлично его понимает.

– Очнись... Очнись! – он пинает Иосифа в бок тяжелым сапогом. – Очнись! Слышишь? Я забью тебя до смерти!

Еще пинок, еще... Голос немца становится каким-то женским. Затем милым и даже ласковым. Иосиф открывает глаза и видит женщину, сидящую возле него в пассажирском кресле самолета. Она тычет его в бок.

2

– Очнитесь... Мужчина, вам плохо? Я вызову стюардессу.

– Нет-нет, подождите. Со мной все в порядке, – заверяет Иосиф, хотя сам не шибко-то верит в это.

– Вас трясло. Вы громко кричали.

– Всего-навсего скверный сон, – отмахивается он.

Иосиф приподнимает голову, оглядывает салон, и видит, как на него смотрит пара десятков удивленных человеческих глаз. Жутко неловко.

– А что я такого кричал? – смущенно интересуется он у соседки.

– Да так, ничего особенного... Что-то про родину и партию.

Моноotonно гудят двигатели. За иллюминаторами плывут белые облака.

«Все хорошо. Это всего лишь сон, – про себя успокаивается Иосиф. – Слишком странный, конечно, но все же обычный сон»

Впереди две недели путешествия по Германии. Он долго ждал этой поездки.

Сейчас июль 2015 года. В Москве было жарко. В Мюнхене обещают дождь. Иосиф закончил свои школьные и репетиторские дела и полетел в заслуженный отпуск, в страну, которую мечтал посетить уже добрый десяток лет, с тех самых пор, как стал преподавателем немецкого языка в старших классах.

Он одинок. Жена два года назад ушла к другому мужчине. Сказала, что больше не может терпеть его вечной увлеченности делами, которые не приносят доход. «Либо ты начинаешь зарабатывать, либо я от тебя ухожу», – говорила она каждое утро, когда он брал чемоданчик, в котором педантично хранил учительские принадлежности, и уходил на работу. «Ты как проклятый учишь тупых сосунков и ничего с этого не имеешь! – кричала она. – Пойди-ка, устройся в дом к богатеньким, там хоть платить будут. А то так и померем: жалкий учительшка и его истощавшая жена». Терпеливый Иосиф долго выносил ее сцены – что для нормального мужчины, в общем-то, сложно – и, наконец, в один незабываемый вечер позвал ее к столу и высказал все, что о ней думал. Ошарашенная женщина в тот же вечер хлопнула дверью.

Он пил горькую целый месяц, месяц не появлялся и в школе. Но, просохнув после очередной одинокой попойки, решил взяться за дело. Сперва извинился перед директором и вернулся за кафедру. Крики и наставления истеричной женушки даром не прошли: он взялся обучать детей из состоятельных семей. Немецким языком Иосиф владел как родным. Временами даже почитывал Гёте и Гессе в оригинале. Его везде принимали как специалиста высокого класса и хорошо платили. Особенно «богатенькие». Иосиф умел увлечь предметом, и дети были просто в восторге. Ну, а родители, у которых имелись деньги, дивились на своих довольных и, главное, познающих чад, и платили, не скупясь. Так, всего за год Иосиф пересел с автобуса на «БМВ» и переехал в приличное жилье. Бывшая жена, спутавшаяся с каким-то коммерсантом, который вскоре прогорел и оказался нищим, бесновалась и кусала локти. Разбогатевший Иосиф великодушно отдал ей старую квартиру на отшибе Москвы и после процедуры развода попросил забыть о себе навсегда. Еще целый год пахал как папа Карло, почти не видя белого света. И что говорить – сильно измотался. Другой женщины так и не нашел, и это понятно, когда так вкальываешь. Зато твердо решил: вернувшись из поездки, сразу удариться в поиски. Денег он скопил достаточно для безбедного существования какое-то время. Нужно найти хорошую женщину, родить ребёночка, а всё остальное подождет. Иосиф – человек самостоятельный, ему не нужна кухарка или прачка, вечно сварливая, вечно недовольная и сумасшедшая. Ему нужна романтическая, понимающая особа, готовая разделять его тонкий философский характер.

Теперь он в небе Европы. Летит, спешит, чтобы совершить желанное турне по Германии.

Великолепный «Дримлайнер» российской авиакомпании совершает мягкую посадку в аэропорту Мюнхена. Подают трап, и Иосиф впервые ступает на землю страны, в которую так долго стремился. Прогноз синоптиков не подтверждается – в столице Баварии ясно.

В отделе выдачи багажа он принимает два компактных чемодана и хватает первое такси. Но отель ему сегодня не нужен. Иосиф едет в бюро автопроката и получает в двухнедельное пользование совсем новенький «Мерседес» Е-класса. Заплатив небольшие по российским меркам деньги, выдвигается в путь. Всем известно, какого качества и какой протяженности в Германии дороги. Даже у русского человека за брата-немца душа радуется. Но и зависть тоже иногда проступает. Тогда в голову лезут разные мысли: от «молодцы, вот бы и нам такие!» до «какие шустрые, понастроили тут себе... видимо, плохо мы по вам в сорок пятом вдарили!»

3

Стрелка спидометра плавает между трехзначными показателями. Разрезая мощным корпусом теплый летний воздух, по идеальному баварскому асфальту стремительно мчится совершеннейший четырехколесный агрегат. Иосиф крепко сжимает приятное на ощупь и вид рулевое колесо автомобиля, пожалуй, самой престижной в мире марки.

Мюнхен позади. Он решил в нем не задерживаться. Ведь обратный рейс только через четырнадцать дней, и по плану останется несколько суток, чтобы как следует там побродить по возвращении. Дорожная гладь автобана манит – невозможно устоять даже искушенному. Если у тебя добротный автомобиль с мощным мотором, обутый в хорошую резину – ты счастливый человек!

Весь маршрут он весьма условно спланировал заранее, несколько часов сидел над электронной картой. Вокруговую объехать Германию на автомобиле, учитывая великолепную дорожную сеть, можно всего за несколько дней. Это с учетом остановок на ночлег в более-менее крупных городах. Плюс – всякие экскурсии и вечерние прогулки.

Заднее стекло «Мерседеса» смотрит на юг. Прямо по курсу – север. Сейчас основная цель – Берлин. Оттуда он повернет на северо-запад и рванет к Гамбургу. Затем на запад и обратно через всю страну – на юг, пока не упрется в Альпы. В принципе, Иосиф заранее знал, что в пути маршрут может измениться. Основная задача – получить представление о стране в целом. Посмотреть на людей, пообщаться с ними, он же как-никак превосходно владеет немецким. А где еще можно использовать языковые навыки, как не в стране-носителе? Твердых маршрутных установок у него нет. Свободен, как птица. Забавы ради может вообще остановиться в каком-нибудь приглянувшемся городе и остаться в нем на весь срок. Главное, в назначенный день вернуть машину и прибыть в аэропорт.

Менее чем через час «Мерседес» въезжает в старинный город Регенсбург. С непривычки Иосиф какое-то время блуждает по многоуровневым транспортным развязкам, путается в указателях. Заезжает то на, то под, и никак не может выйти на курс. На помощь приходит навигационная система. Теперь всё оказывается не так сложно.

Права Иосиф получил, когда окончил школу, но за рулем, как уже известно, недавно. Водительский опыт у него слабенький. В прокатном бюро по этому поводу даже возникла заминка. Однако Иосиф выглядел респектабельно и заверил, что будет аккуратен и вернет авто в целости. Неуверенность сопровождала его лишь первые десять минут, но потом он почувствовал себя достаточно твердо и не волновался.

На часах шесть вечера. Первоначально Иосиф хотел лишь бегло ознакомиться с городом, мельком взглянуть на его черты и двинуться дальше, но красота и изысканный архитектурный стиль Регенсбурга увлекают настолько, что околдованный гость решает здесь же и заночевать.

Эти милые невысокие домики, эти узкие мощеные улочки и шпили древнего Регенсбургского собора пленяют и захватывают душу Иосифа. Он в восторге от удивительных здешних построек. В России он любил посещать Петербург и там часами бродил, восхищенный. Все-таки имелось в мировой архитектуре прошлых столетий что-то такое, чего нет сейчас.

Иосиф волнуется; ведь это всего-навсего первый город. Впереди много красивого и удивительного, а он увлекся, словно сентиментальный мальчишка.

«Завтра же возьму себя в руки, – мысленно обещает он. – А пока устройю погружение в общество: поброжу по улицам, полюбуюсь видами, выпью несколько кружек пива, пообщаюсь с людьми. Ну, а завтра отдохнувшим, посвежевшим – в путь!»

По навигатору он отыскивает отели. Система в режиме он-лайн показывает, наличие свободных номеров. По всему городу их достаточно. Не колеблясь, Иосиф бронирует номер в

«Гросс Хаусе». Когда деньги не позволяют задумываться, где в чужой стране коротать ночь – это очень хорошо.

Скоро выясняется, что с паркингом в центре города туговато. Как и с самими дорогами. Они чрезвычайно узки. Местные пользуются двухколесной техникой и ногами. Лишь редкие автолюбители шныряют на компактных машинках. «Мерседес» приходится покинуть и оставшиеся три сотни метров идти пешком.

Роскошный номер снят, и комфортабельный ночлег обеспечен.

4

Черный лак «Мерседеса» переливается в золотых лучах солнца. Прежде, чем запрокинуться пивом, Иосиф решает прокатиться по окрестностям и осмотреть городок.

С непривычки держать интервал между углами домов, людьми и другими автомобилями трудно. «Мерседес» солидных размеров. В нем то и дело срабатывают всякие датчики, заботящиеся о безопасности, причем, не только пассажиров, но и пешеходов. Два раза машина встала как вкопанная за секунду до того, как на дорогу выходил беззаботный прохожий. «Это не Россия, дорогой Иосиф, – мысленно напоминал он себе. – Там пешеходы переходят, вооружившись биноклями и быстрыми ногами»

Выехав на дорогу пошире, он успокаивается. «Удивительно, как всё компактно и, вместе с тем, удобно, – думает он. – Главное, если ты на машине и в маленьком городе, нужно держаться подальше от центра». Радует то, что в городе в вечернее время отсутствуют даже намеки на пробки. Электронный путеводитель в карманном компьютере подсказывает: здесь проживают 140 тысяч человек. Это немного, однако, в любом российском городе со сходным по численности населением машин гораздо больше. И сами они немаленькие: то ли до сих пор срабатывает комплекс советского человека – у кого тачка больше, тот и круче, а если еще и черная! – то ли, напротив, подражание «американской мечте». Расчетливые европейцы идут далеко впереди двух цивилизаций.

Желудок характерным звуком сообщает, даже требует, найти что-нибудь съестное.

Е-класс сворачивает и паркуется возле одного с виду очень уютного ресторанчика. С нажатием кнопки стихает приятный рокот мотора. Иосиф открывает дверцу, и в лицо бьют изысканные оттенки ароматов летнего вечера. На фасадах напротив он читает вывески, которые сообщают, что один дом принадлежит пекарю другой – кондитеру. Видит фамилию – Румпфф. Причем на обеих вывесках фамилии одинаковые. Разнятся только имена: кондитера зовут Эбнер, пекаря – Хаган. Вероятно, отец и сын. Судя по наиприятнейшему запаху, сейчас там кипит работа. Теплый воздух дарит хорошее настроение. Хочется жить. Солнце садится прямо на город. Там, в предвечерней дымке, висится шпиль Олимпийской башни.

В заведении почти никого. Иосиф выбирает столик возле окна и смотрит в меню. Делает заказ. Парень-официант в черном жилете и белом фартуке приносит еду. Иосиф доволен – кушанье отменное! На тарелках именно столько, сколько может съесть человек, насытившись, но не лопнув. Иосиф следит за фигурой и старается не переесть. Но сегодня решает не ограничиваться. В душе звенит колокольчик – совесть предупреждает, что именно так начинается расхлябанность. Нельзя позволять себе слабости, от них прямая дорога к зависимостям. Иосиф улыбается: все же пока у человека такое сильное чувство самоконтроля, он застрахован от скольжения по наклонной.

За окном ресторана сумерки. Рассеянные лучи проникают сквозь стекла. В зале включается электрический свет. Он дает красноватый оттенок, проходя сквозь овальные абажуры. Только теперь Иосиф оценивает изысканность интерьера. Дерево на столах наливается рубиново-коричневыми красками. Лица людей при таком освещении будто разглаживаются и выглядят моложе. А ведь этим приемом владеют далеко не все рестораны.

Загораются уличные фонари. Время романтики. На мгновение у Иосифа перехватывает дыхание. Он испытывает радость. Но этому порыву не суждено длиться долго: через секунду ветры души уносят легкое счастье. Все же сладость момента сохраняется. Он сравнивает это с сиюминутным опьянением. Тебе хорошо. Ты летаешь. Но есть и последствия, как после любого опьянения. В данном случае, грусть.

Погрустить не удастся: возле «Мерседеса» ошивается подозрительный субъект. Иосиф оплачивает счет и спешит к выходу.

– Почтеннейший! Вам что-то нужно от этого автомобиля?

Мужчина лет пятидесяти предстает перед Иосифом. Странно одетый: коричневая фетровая шляпа, охваченная черной лентой, старомодный костюм схожего оттенка, с широким лацканом. Такие носили еще до появления массовых брендов, когда одежду кроили у портных на индивидуальный вкус. Но самое странное – это туфли, выполненные на манер башмаков, с нарочито закругленными носками. Словно лекалом башмачнику служил теннисный мяч.

У Иосифа есть привычка оценивать незнакомых людей по внешнему виду. Он не считает это зазорным. Ибо как еще можно определить, что перед тобой за личность, до вступления в непосредственный контакт?

По облику незнакомца Иосиф выносит вердикт: старомоден. В целом, одежда в отличном состоянии – педантичен, аккуратен. Часовой ремешок, слегка выходящий за край рукава – знает цену времени. Парфюмом не пользуется. Возможно, беден, возможно, бережлив. Часто, если человек не выдающийся гений, как Генри Форд или Стив Джобс, бережливость проистекает именно из бедности.

Мужчина оглядывается по сторонам и нервно моргает. Потом косится на «Мерседес» и по-детски восхищенно произносит:

– Чудесная машина!

– Это «Мерседес», а когда речь идет об этой марке, иначе и быть не может. Вы чего-то хотели?

– Не могли бы вы меня прокатить? – в голосе мужчины чувствуется смущение, к которому примешивается слабая уверенность. Чудак знает: к незнакомым людям с такими предложениями не подходят.

– Простите? – Иосиф морщит лоб. На губах появляется улыбка. – Прокатить?

– Если, конечно, не трудно.

Иосиф не понимает. К нему никогда не подходили с такой вот безобидной просьбой «прокатить».

– Возможно, вы меня неправильно поняли, – пытается внести ясность мужчина. – Иначе говоря, меня необходимо кое-куда отвезти. Дело в том, что часом ранее я вызвал такси, а его все нет. Я в замешательстве... в городе совсем не осталось телефонных будок!

– Ими ни кто не пользуется. – Лоб Иосифа расправляется, но улыбка остается. – Чтобы вызвать такси вовсе не обязательно искать телефонную будку, – он достает смартфон и протягивает незнакомцу. – Вот, пожалуйста, воспользуйтесь. Номер единой справочной отображен в правом верхнем углу. Просто щелкните и звоните.

Незнакомец уверенно тянет руку и аккуратно берет модный американский гаджет. В следующую секунду на лице его появляется немой вопрос. Рот приоткрывается, пальцы боязливо подергиваются над экраном, к оному не прикасаясь. Иосифа забавляет такая ситуация. В наши дни каждый, от младенца до старика, умеет обращаться с подобными устройствами. Там все команды отдаются интуитивно.

– Нет уж! – с чувством внутреннего достоинства восклицает мужчина и возвращает устройство. – Возьмите. Спасибо. Я, пожалуй, пойду.

– Я сейчас сам вызову! – решает Иосиф.

– Забудьте. – Мужчина отворачивается и уходит в сторону.

В этот момент лицо незнакомца делается таким печальным и подавленным, что Иосиф просто не может не подействовать. Он чувствует: если не поможет этому несчастному человеку, не умеющему в наш век высоких технологий пользоваться даже самыми простыми его плодами, то перестанет ощущать себя двуногим существом и превратится в животное. Ведь люди, во что бы то ни стало, должны помогать друг другу.

– Стойте! Все-таки куда вам нужно? Я, в принципе, не спешу и могу уделить вам некоторое время.

– Правда? – оборачивается мужчина.

– Несомненно! Садитесь, будете показывать дорогу.

«Мерседес» приветливо сверкает желтыми огнями.

Случайный пассажир прислушивается к звуку двигателя, оглядывает салон и одобрительно кивает.

5

Мир велик и люди разные. Везде можно наткнуться на всякие неожиданности. Но чтобы в Германии встретить человека, который разглядывал бы современный «Мерседес» словно инопланетный корабль – такое представить сложно. По крайней мере, в свои тридцать три Иосиф не сталкивался с подобным.

Они выезжают за город. В вечерних сумерках вдоль дороги тянутся домики. Мужчина просит свернуть к одному из них и подождать несколько минут. Он уходит. В доме загорается свет, после чего снова гаснет, и человек возвращается. На плече рюкзак, в руке чемодан. Снаряжение еще старше, чем одежда, и выглядит так, будто снарядившийся по моде пятидесятых турист решил покорить Европу.

– Теперь на юг.

– Далеко?

– Километров пятьдесят. Точнее сказать не могу. У вас есть при себе дорожная карта?

– Какой вам требуется город? Я введу в навигатор...

– Навигатор? – прерывает он.

– Эта такая штукавина, которая связана с орбитальными спутниками. Показывает наше местоположение относительно земных координат.

Мужчина вопросительно смотрит.

– Обойдемся, – отмахивается он. – Простая карта у вас есть?

– Навигатор в тысячу раз лучше карты! – Иосиф полагает, что над ним просто издеваются. Ну не может человек нашего времени не знать, что такое спутниковая навигация! Разве что человек не из нашего... времени. Но это лишено всякого смысла, так как попросту невозможно. Не умеет никто конструировать машины времени! На сегодняшний день дорога открыта лишь в будущее. Да и то – сугубо теоретически. Иосиф в курсе последних научных данных, и слышал, что если объекту придать высокую скорость, его личное время замедлится относительно времени окружающего.

Машина летит по какой-то глухой дороге. Фары выдергивают из темноты сто метров асфальта и основания высоких деревьев, растущих по бокам. Попутчик молчит, замороженно вцепившись взглядом в ночную панораму.

Через двадцать минут они влетают в какой-то малюсенький городок. Какой именно, Иосиф разглядеть не успевает – машина едет быстро, дорожный указатель сверкает зеленым и остается позади. Он хочет поскорее довести этого странного старомодного молчуна и возвратиться в номер, где ждет прохлада простыней и погружение в сладкий сон.

– Может, все-таки скажете, куда вам нужно? Пятьдесят километров остались за спиной. Еще два раза по столько же – и будем в Мюнхене. А мне туда не надо, я только сегодня оттуда.

Собеседник вздрагивает.

– Ах, Мюнхен-Мюнхен... – страдальчески шепчет он. – Как он? Сильно изменился с 1939 года?

– Таким я его видел лишь на почтовых открытках, когда разбирал старый школьный архив. – Иосиф стискивает руль и хмурится.

Мистер «Старомодная Странность» живо замолкает. Чувствует, что сболтнул лишнее. Иосиф же начинает понимать, в какую игру играет таинственный незнакомец. Он слышал, что встречаются такие умельцы, которые прикидываются дурачками, вызывают жалость, пудрят людям мозги и, пока те сочувствуют, их используют. А уж в чем использование будет выражаться – все равно. Кто подвезет, кто деньгами выручит или обедом накормит. Так и живут, паразиты!

Иосиф уверен: хулиган попросту тянет время, чтобы выгадать момент и выскочить, подхватив чемоданы. В подобных ситуациях лучше таких моментов не дожидаться. Загораются яркие стоп-сигналы, и автомобиль резко уходит к обочине.

– Я не знаю, куда вам нужно, но знаю, чего вы хотите, – заявляет Иосиф и оборачивается. – Номер не пройдет! Я достаточно вас покатаю, теперь забирайте вещи и уходите на все четыре стороны.

Мужчина нервно мнет шляпу и жалобно смотрит.

– Сегодня днем я прилетел из России, – продолжает Иосиф. – Устал, хочу спать, и, ко всему прочему, меня ждет обратная дорога в Регенсбург. Прощайте!

– Из России? Но у вас такой превосходный немецкий. Никогда бы не подумал.

– Я преподаватель, этим все сказано!

Иосифу не хочется переходить на грубость. Какой-никакой, перед ним человек. Известно, что у него внутри. Может, у него действительно горе. Потерянный вид человека, в крайнем случае, вызывает разве что легкое раздражение, но не озлобление. Нужно сочувствовать, подобное может случиться с кем угодно.

Но Иосиф – не Красный крест.

– Выходите!

– Куда же я пойду?

– Об этом стоило думать до того, как вы сели в машину и просили ехать черт знает куда!

Мужчина все так же жалобно смотрит, но в какой-то момент в глазах появляется огонек. Он поворачивается, чтобы открыть дверь, и делает это весьма странно, всем корпусом. Иосиф в последний момент чует неладное и жмет акселератор, дабы инерцией покоя подавить потенциально опасные действия пассажира.

Автомобиль с визгом срывается вперед. Их обоих вжимает в кресла. Человек в ужасе поворачивается, пытаясь поймать разлетающиеся купюры, размахивает руками, но все деньги изловить не удастся: несколько банкнот падает между сидениями.

– Что случилось? – громко спрашивает пассажир. На его лице недоумение. – Что заставило вас так резко тронуться?

– Перепутал педали, – врет Иосиф, пряча глаза. По спине бежит холодок, который случается, когда человек понимает, что сделал какую-то глупость. За пазухой у попутчика был не нож, и не пистолет, человек всего лишь отвернулся, чтобы достать деньги и расплатиться за поездку.

Иосифу смертельно неудобно. Теперь он даже готов отказаться от денег.

Ксеноновые огни широко освещают близлежащий ландшафт. Иосиф поворачивается, намереваясь извиниться, но в ту же секунду в бок ему упирается твердый предмет. Пистолет! «Приплыли!»

– Сидите тихо и больше никаких выкрутасов! – приказывает старомодный бандит-попутчик.

– Прекрасно! – саркастически восклицает Иосиф. – Помог человеку, подвез, а он на мушку берет... Будете стрелять?

– Если согласитесь уделить мне час вашего времени – нет, – примирительно заверяет мужчина. – Поймите же, мне крайне необходимо средство передвижения. Вы для меня вообще идеальный вариант. Дело в том, что такси я специально заказывать не стал, мне нужен был частный автомобиль. Как вы наверняка успели заметить, я не разбираюсь в технике, но твердо знаю одно: все такси оборудованы этими вашими «Джи-Пи-Эс», их маршруты отслеживаются, а меня это не устраивает. Не хочу, чтобы возникли вопросы.

– Что у вас за дело?

– Ух, какой быстрый! Мое дело, собственно, вас не касается... Где-то здесь есть электростанция, мне нужно к ней. Это все, что вам следует знать.

Бандит ослабляет пистолетный натиск и отводит руку. В темноте салона виднеются очертания оружия. Иосифу они кажутся знакомыми. Он задается вопросом: где уже видел похожий пистолет? Точно: сон на подлете к Мюнхену!

В навигаторе Иосиф отыскивает ближайшую электростанцию. Действительно, таковая имеется; к северу, на берегу реки Изар. Вдобавок станция атомная.

– Через пять минут будем на месте, – сухо заявляет Иосиф и разворачивает автомобиль.

6

Удается подъехать достаточно близко. Очень странным оказывается то, что в относительной близости от АЭС стоят жилые дома. Иосифу вспоминаются кадры Чернобыля.

Из гигантской трубы идет светлый дым.

– Атомная станция, станция атомная... – мрачно бормочет человек, вглядываясь в огни.

– Ах, да, ведь вы, идиот, и не знаете, что такое ядерная энергетика! – колко замечает Иосиф. – Боже мой – физика, девятый класс. Хотя если вам обычный смартфон в диковинку, словосочетание «спутниковая навигация» звучит как нечто мистическое и «Мерседес» видите впервые, удивляться нечему.

– Моей неосведомленности есть объяснение. Помолчите! – сердится пассажир. Ему не до разговоров, в голове пульсирует кровь, заставляя работать извилины. Он сосредоточен на деле, которое должен осуществить.

Иосиф открывает дверь и выходит на воздух.

– Я не разрешал покидать автомобиль!

– Стреляйте! – бросает Иосиф и хлопает дверцей.

Стрелять, конечно же, никто не стал.

Иосиф садится на капот.

«Ну и ситуация, – размышляет он, – ну и дела! Не подозревал, что долгожданное путешествие начнется с приключений. Я к этой поездке готовился много лет... и вот, первый вечер провожу в машине с каким-то придурком, угрожающим мне пистолетом. Ну, твою ж мать...»

Теплый ветер трогает лицо. Стрелки часов давно перебрались за полночь.

«И что ему здесь нужно? Что он прячет в чемодане? Хочет взорвать? Не пойму»

Мужчина приоткрывает дверцу.

– Вы долго собираетесь там стоять?

Иосиф не отвечает.

– Вернитесь, пожалуйста, за руль, нужно ехать.

При бело-лунном салонном освещении глаза пассажира смотрят дружелюбно. Пистолета при нем нет: спрятал обратно.

– Итак, у меня есть кое-какая штука, для которой нужен источник энергии. Желательно, мощный. Вы часом не знаете, сколько электричества вырабатывает данная станция?

– Конечно, знаю! – усмехается Иосиф. – Я ведущий эксперт по электростанциям! Короче, вы обратились по адресу.

– Я же серьезно. Кто знает, какой информацией в вашем веке обладает рядовой гражданин?

– Что значит «в вашем веке»? – Иосиф артистично взмахивает руками. – Выходит, вы сейчас не в своем веке?! Вы вообще нормальный?

– Кто такой действительно «нормальный», объяснить трудно. Отклонения от нормы есть в каждом. Вопрос в том, что принимать за норму? Очень скоро я вас оставлю, а пока, прошу, пожалуйста, окажите мне услугу. Я не намерен вдаваться в подробности. Будь вы другим, рассказал бы. А слышать в ответ язвительные высказывания по поводу моей адекватности я не хочу.

На передней консоли лежит упавшая в суматохе купюра. Точно не «евро». Иосиф не может определить, какому государству она принадлежит, и протягивает руку, чтобы рассмотреть поближе. Но пассажир опережает его действия и прячет бумажку в карман.

– Вдобавок вы хотели расплатиться зимбабвийским долларом? – шутливо спрашивает Иосиф.

– Это рейхсмарка!

– Да? А я тогда Пауль фон Гинденбург...

– Кончайте острить и помогите пробраться на территорию станции.

– Уж не замышляете ли вы чего недоброго?

– Не замышляю. Более того, уверяю вас: никому не будет нанесено даже малейшего ущерба. Мне нужно оказаться в непосредственной близости к силовым трансформаторам. Как только я там окажусь, дело будет сделано.

– Насколько я понимаю, необходимые трансформаторы расположены на территории комплекса, а это режимный объект. Просто так к ним не подойти. Даже если проявить ловкость и проникнуть на охраняемую территорию, нас, то есть, вас тут же схватят.

Пассажир тяжело вздыхает.

– Тем более, я так думаю, дело осуществится не мгновенно, и на его реализацию потребуется какое-то время. Но в вашем распоряжении не будет и минуты!

– Потребуется минимум три, – кивает он.

– Простите, что рушу ваши планы, но у вас ничего не выйдет. Ищите другой способ. Если бы я знал, что конкретно вам нужно, то, может быть, у меня возникли бы какие-нибудь соображения. Поймите, я приехал из России, у меня только-только начался отпуск. Короткий отпуск. И я бы не хотел тратить время, решая чужие проблемы. Вы должны понять.

– Понимаю. – Мужчина снова вздыхает и принимает решение: – Можете ехать. Простите, что наставлял на вас пистолет. Просто я нахожусь в отчаянии.

Он выходит из машины вместе с вещами. Мягко хлопает дверь.

– Прошу, никому не сообщайте о том, что здесь случилось, – говорит мужчина в приоткрытое окно.

– А что, собственно, здесь случилось? – хмыкает Иосиф и давит на педаль.

Машина летит в ночь.

7

«Подлец ненормальный, негодяй сумасшедший! – мысленно бранится Иосиф. – Прикинулся дурачком, получил, что хотел. Старый плут! Если мне еще когда-нибудь доведется столкнуться с чем-то подобным, буду сразу отправлять по известному русскому адресу»

У Иосифа дергается веко. Он понимает, что, наверное, все-таки должен был помочь.

«Но чего болван требовал? Проникнуть на территорию атомной электростанции?! О нас бы наутро все газеты писали. Просто так люди не идут на такое. У него явно какой-то замысел, и не уверен, что безобидный...»

Иосиф нажимает кнопку аудиосистемы и выбирает радиостанцию. В эфире много музыки и всевозможных передач. Все они, конечно же, немецкоязычные. Но, как ни странно, сейчас Иосифу хочется послушать чего-нибудь русского. Он переходит на амплитудную модуляцию, и приемник ловит волны далеких передатчиков. Вещает радиостанция «Голос России». Сразу становится как-то теплее и спокойнее.

Неожиданно гаснет приборная панель. Показатели тонут в темноте. Меркнут фары. Иосиф сильно пугается и сжимает руль. Трассы не видно. Из того, что он видел за секунду до этого, Иосиф пытается сконструировать схематичную картину, чтобы более-менее безопасно затормозить. У него получается. Ступня плавно жмет на тормоз, а руки уводят руль в сторону. Как только правое колесо автомобиля чувствует канавку, Иосиф дает влево и останавливается.

С такого типа машинами подобных проблем возникать не должно. Тем не менее, Иосиф отдает себе отчет в том, что это всего лишь техника, и ей свойственно иногда давать случайные сбои. Хотя разум напоминает, что для одного дня случайностей слишком много.

Он открывает дверь и выходит на улицу. Первая мысль любого порядочного автолюбителя – выставить аварийный знак – в текущей ситуации сильно запаздывает.

За десять минут скоростной езды он успевает умчаться достаточно далеко. Населенный пункт и милые немецкие домики кругом заменяет поле. В отдалении шумит лес, похожий на огромное черное облако, опустившееся к земле. Небо горит россыпью звезд. Лакированная крыша «Мерседеса» дает завораживающее отражение.

Зрение не успевает адаптироваться, поэтому Иосифу страшно отходить от машины. Кажется, из мрака дорожной канавы сейчас вылезут чудища, оскалят зубы и растерзают.

Он ловит себя на этой глупой мысли, улыбается, однако продолжает держаться за ручку водительской двери.

Что можно сделать с нафаршированным электроникой автомобилем одному, в полевых условиях? Да ничего! Нет даже карманного фонарика.

«Пропал отпуск, черт подери!»

Ощущение, будто в салоне что-то шевелится. Иосиф робеет. Приоткрывает дверцу – в динамиках плещется шум радиозэфира. Странно: ведь электросистема вроде бы отказала полностью.

Пульсирующие радиопомехи несут в глубине чьи-то отдаленные голоса. Кажется, говорящих несколько, поэтому сложно что-либо разобрать. Немецкая речь звучит грозно. Не похоже на обычную радиопередачу. Голоса срываются в крик. Иосиф обладает тонким слухом и при желании умеет выдергивать из общего фона несколько нужных нот. Теперь он понимает: одна и та же речь, один и тот же оратор, просто присутствует эффект пространственного запоздания, из-за чего получается своеобразный микс.

– О, мой бог! – произносит он, когда понимает, о чем речь.

«Ни положение, ни партия, ни профессия, ни класс, а только единство, ради Германии! Наши цели ясны! Они идут в ногу с народом и временем. И что бы мы ни делали, наши штандарты будут всегда твердо стоять за нашими спинами!»

Последнюю фразу заглушают крики ликования.

Иосиф в растерянности. Не может быть! Что за злые промыслы? В эфире – нацисты!

Он поднимает голову вверх, и на него смотрят тысячи хрустальных огоньков. Призрачные эфирные шумы, россыпи далеких звезд и голос диктатора! Чудовищно проникновенное сочетание, будто призывы из прошлого раздаются прямо с небес.

Иосиф хочет выключить приемник, но звуки затихают сами собой. Загораются фары и приборная панель: машина оживает. Пробуя запустить мотор, он не надеется на успех, его размышления не о том:

«Мне тридцать три, а что я за это время сделал? Безусловно, кому-то мои достижения покажутся внушительными и весьма солидными для мужчины такого возраста. Но разве я когда-нибудь жил по-настоящему? Разве совершал рискованные поступки, разве претендовал на звание героя? Вся моя жизнь была разумна и педантична. Я подчинялся правилам, со школьной скамьи вплоть до сегодняшнего дня. Правилам, написанным кем-то другим. Всегда знал, что хорошо, а что плохо. Оглядываясь назад, я вижу лишь скользкий туман и ничего поистине яркого. Знаю, я должен был остаться и помочь тому человеку. Конечно же, он не террорист, и не собирается ничего взрывать. Он вообще напоминает прилежного ученого, попавшего в жернова обстоятельств. Но я испугался. Поступил как трус. Уподобился пугливому животному. У меня есть выбор: ни во что не ввязываться, тихо и спокойно провести отпуск, вернуться к своим повседневным делам или же... В первом случае я буду жалеть, что поступил как пугливый червь, в другом случае, возможно, вообще жалеть не буду...»

Машина в норме. Иосиф стискивает скулы и разворачивается.

Мужчина сидит на чемодане, ровно на том же месте. Возле ног рюкзак.

– Меня зовут Иосиф! – он протягивает ему руку. – И пока я не помогу совершить то, что вы задумали – не уйду!

Незнакомец приподнимается.

– Иосиф?.. – в голосе чувствуется легкое подозрение. – Лабберт. Лабберт Голдхабер. Рад знакомству.

Глава 2

1

При салонном свете Лабберт делает какие-то наброски. В руках белеет клочок бумаги. Иосиф сосредоточен на навигаторе – изучает местность.

Подступает рассвет. В оконные стекла входят первые лучи. Природа просыпается. Возле машины кружит пара жуков. Наконец, Лабберт разбирается с айфоном, который двадцатью минутами ранее позаимствовал у Иосифа с целью провести калькуляцию математических параметров. Иосиф был прав относительно профессии: он действительно ученый, математик, и физик по совместительству. Назвав специальность, в замыслах не признался.

В расчетах ставится точка. Попутчик тянется к рюкзаку, откуда достает армейскую флягу:

– Кофе?

– Не откажусь.

Холодный напиток оказывается хорошим, но далеко не самым лучшим. Все же немного взбадривает полусонного Иосифа и его нового товарища.

– Скажите вот что, – убирая фляжку в рюкзак, произносит Лабберт. – Судя по тому, что недалеко от нас находится атомная станция, общество научилось подчинять ядерную энергию. Это понятно. Мне интересно, применялась ли ядерная энергия в качестве оружия?

– Да.

– Когда, кем и против кого?

– В августе 1945, в двух городах Японии, – трет виски Иосиф. – Прискорбный факт. Американцы хотели продемонстрировать свое могущество. Япония в то время оставалась последним противником стран антигитлеровской коалиции и даже после того, как её союзники пали, капитулировать отказывалась.

– Японцы? Оказались такими стойкими союзниками? Всегда полагал, ими будут итальянцы.

– Японцы объявили, что будут воевать до победного. С такой позицией страны восходящего солнца война могла затянуться на неопределенный срок. По правде говоря, силами всех стран подавить Японию уже не составляло большого труда. Вообще многие, в том числе я, считают, что американцы пошли на такой античеловечный шаг не ради тщеславия. Они знали, чем может обернуться затягивание войны хотя бы еще на полгода или год.

– Чем же?

– Сталин повернул часть войск на Дальний восток. Это угрожало чрезмерным усилением СССР в Тихоокеанском бассейне.

– Вот оно что...

– В Соединенных штатах, в долгосрочной перспективе, этот факт посчитали неблагоприятным и сработали на опережение, сбросив по одной ядерной бомбе на Хиросиму и Нагасаки. Так закончилась война.

– А точную дату помните?

– Разумеется. 2 сентября того же 1945.

Лабберт жалостливо сводит брови.

Иосиф не понимает, зачем рассказывает взрослому человеку факты, о которых ведает любой искушенный школьник.

– Думаю, не стоит говорить, что для Советского Союза война закончилась гораздо раньше, в мае.

– Выходит, Германия была повержена?

– А о чем я толкую уже минут пять? Конечно! Мы разгромили фашистов!

– Фашистов?

– Именно!

– Стало быть, Советы воевали с одной Италией? – непонимающе интересуется Лабберт. – С Германией воевали другие?

– Какие другие? СССР, США, Англия и ряд прочих государств, все вместе сражались против стран нацистского блока, то бишь стран «Оси». Вот и все.

Лабберт молчит и скорбно кивает.

Сцена, где два человека говорят об одном, но о разном: позиция Иосифа основана на исторических фактах, позиция Лабберта на смутных предположениях о... будущем!

Иосиф потягивается, затем спрашивает загрустившего:

– Посмотрите, уже утро. Надеюсь, вы сформировали план? О чем говорят расчеты?

– Мои расчеты показывают, что, к счастью, не обязательно проникать на охраняемую территорию. Достаточно разыскать высоковольтную линию электропередач.

– Эта задача проще. Что-то подобное как раз должно тянуться от АЭС.

– Меня устроит что угодно, проводящее электрический ток под высоким напряжением. Должно сработать даже при наличии любого трехфазного выпрямителя или стационарного трансформатора. Хотя есть вероятность, что мощности будет недостаточно.

– О, – Иосиф тычет в мультимедийный дисплей, – оказывается, в пяти километрах к западу есть мощная распределительная подстанция. Загружаю фотографии окрестностей... М-да, и к тому же её стерегут не так пристально: низенький забор и... всего один охранный пост. Под ваши условия этот вариант наиболее подходит. Пока охранники будут выдвигаться из места своего пребывания, вы успеете проверить, что хотите.

– Едем.

2

Объехав территорию несколько раз, они выясняют: есть всего одно удобное место, где можно перелезть через забор и в пару секунд добраться до ближайших трансформаторов.

Машина сворачивает с дороги и под прямым углом утыкается в решетчатый забор. Не теряя ни секунды, Лабберт перебрасывает вещи, вспрыгивает на крышу «Мерседеса» и лихо летит вслед за перекинутым рюкзаком и чемоданом.

– Большое спасибо! – доносится из-за забора.

– Благодарить не за что. С моей стороны ничего и не потребовалось!

Но Лабберт не слышит. Подхватив чемодан, он во весь дух бежит к электроустановке.

Иосифу до смерти интересно, что же будет происходить дальше. Но с каждой секундой в нем ширится страх быть пойманным. Он не знает, есть ли поблизости камеры видеонаблюдения. Они есть. И сюда уже едут...

В это время Лабберт открывает чемодан и достает на свет какую-то темную коробочку. В окружении гудящих установок он производит над ней какие-то манипуляции. Для чего это – никому, кроме него самого, не известно.

Иосиф с жадной нетерпеливостью наблюдает за каждым движением рук. Опасения растут: в любую секунду могут объявиться охранники, но он не уезжает.

Вот Лабберт поднимает голову. Ищет Иосифа взглядом и посылает знаки, чтобы тот немедленно убирался.

Иосиф мысленно отвечает:

«Ах, негодяй! Неужели не раскроешь своих тайн, прежде чем я уеду?»

Вой сирен бьет по слуху словно кнут. Иосиф не спит около суток, и мышечная моторика изрядно притормаживает. Усталыми глазами он ищет источник пронзительного шума и находит всего ничего – в ста метрах. Из-за поворота выскакивают три автомобиля полиции. И прятаться некуда!

В каком-то полукоматозном трансе Иосиф возвращается за руль. Расчетливо сдает назад на короткое расстояние. Включает положение «драйв» и выжимает педаль акселератора. Бампер утыкается в ограждение, отчего оно немного заваливается. Задние колеса проворачиваются, разбрасывая в разные стороны мелкозернистую насыпь. Визжат системы.

Иосиф охвачен страхом. Однако, благодаря выбросу адреналина, хладнокровно овладевает эмоциями и выполняет каждое действие с какой-то загадочной уверенностью.

Автомашины полицейских подкрадываются и окружают. Иосиф совершает повторный разбег и, наконец, ограждение из тоненьких прутьев, ухнув, валится наземь. Колеса «Мерседеса» закатываются на территорию подстанции. Полицейские толпятся возле образовавшегося пути.

«Ну, что тебе здесь нужно?!» – свирепея, думает Лабберт, надавливая на «коробочке» нужные символы.

Иосиф притормаживает в нескольких метрах, выпрыгивает и кричит:

– Прыгай в машину! Смоемся через главные ворота, там установлен простой пластиковый шлагбаум! Садись или тебя поймают!

– Проваливай! – глаза прежде сдержанного Лабберта вскипают от злости. – То, что сейчас произойдет, тебе не понравится! Уноси ноги и уводи вон тех!

Иосиф в нерешительности оборачивается: одна полицейская машина перескакивает поваленное ограждение и будет здесь с секунды на секунду.

– Убирайся! – вопит Лабберт, прижимая коробку к груди.

В этот момент свободной рукой он хватает пустой чемодан и швыряет на изоляторы. Неотъемлемый аксессуар любого туриста попадает точно в цель. Провода замкнуты. Начинается настоящее световое представление: электрокабель испускает короткие танцующие во все стороны молнии. Пространство заполняется треском. Один из множества трансформаторов гудит сильнее обычного и, видимо, готов взорваться. Бесчисленные разряды неистовствуют. Что-то источает едкий дым. Фигура Лабберта становится светлее, затем тонет в этом синем-белом облаке. Иосиф в растерянности мотает головой. Полицейские, вышедшие из машины, успевают достать оружие, но сейчас жмурятся, прикрывая лица ладонями.

Взгляд Иосифа застывает на передней части «Мерседеса». Держать глаза открытыми, когда вокруг свирепствуют ослепительные разряды, не столько трудно, сколько страшно, но происходящие аномалии вызывают неустрашимый интерес. Капот превращается не то в пластилин, не то в жидкое железо, и, не теряя первоосновной геометрической формы, вытягивается вперед. За секунды средний по размерам автомобиль превращается в самый настоящий лимузин. Полицейские отступают. Но, видимо, слишком поздно: аномалия настигает всех. Двое мужчин в темно-зеленой форме вытягиваются относительно прямолинейного вектора. Выглядит так, будто они идут, но прошлое изображение, оставленное моментом ранее, никуда не пропадает; вслед тянутся «хвосты» их самих. Далее процесс пластилинизации доходит до машины: «Ауди» вытягивается подобно «Мерседесу».

Иосиф чувствует странное состояние, хочет склонить голову, взглянуть на свое тело, но с ужасом обнаруживает: нет никакого тела! Там, где должны быть туловище и ноги, сейчас обычный участок обычного пространства.

Сознание накрывает страхом, и он проваливается в забытьё.

Лабберт уже там... его настигло.

Теперь «там» и двое полицейских.

3

...Какое-то поле. Трава вышиной по голень. Шумит лесной массив. В отдалении катит убогонький трактор, волоча тележку. Голубое прозрачное небо с редкими хлопьями облаков. И день... день... не утро.

Здесь Иосиф. Он недвижим и смотрит в точку. Видит: в нескольких шагах мужчина в коричневом костюме наклоняется за фетровой шляпой и, поправляя, надевает ее на голову. На плече серо-зеленый рюкзак, в руке бронзовая коробочка, расписанная странными, возможно даже не китайскими иероглифами. Не сразу, а словно через туманную мглу разума, черты человека напротив становятся узнаваемыми. Теперь нет сомнений – это Лабберт. Тот, в свою очередь, оборачивается к Иосифу и корчит недовольную гримасу.

– Стоим, не двигаемся! – приказывает голос.

Иосиф вздрагивает: «Ну, что там еще?»

За спиной полицейский с пистолетом в руках. Его напарник корчится на земле, тихо призывая на помощь. Первый косо поглядывает на товарища, не спуская с Иосифа прицел.

Лабберт отворачивается и уходит, как ни в чем не бывало.

– Эй, ты, второй, в коричневом пиджаке! Тебя тоже касается!

Лабберт решает пойти ва-банк и, была не была, пробует скрыться.

Но выстрел в воздух заставляет вздрогнуть и замереть.

– Второй произведи в зад! – предупреждает полицейский.

Остерегаясь резких движений, Иосиф наблюдает за разыгравшейся ситуацией.

– Шагайте сюда! Оба!

4

Иосиф и Лабберт становятся товарищами по несчастью. Они сидят на заднем сидении полицейской «Ауди А6», накрепко пристегнутые наручниками. Человек в устаревшей зеленой форме «Защитной полиции» пытается разобраться, что произошло с напарником. Тот лежит возле автомобиля и истекает кровью. На теле многочисленные язвы. Напарник стягивает с пострадавшего одежду и теперь оказывает первую помощь. По лицу видно: он испытывает острую боль. Несколько раз теряет сознание, но раствор нашатыря приводит в чувство.

– Быстро объясняйте, что здесь произошло?! – гневно спрашивает полицейский, склоняясь над другом и обрабатывая раны антисептическим средством.

Пристегнутые переглядываются. Одному из них ответить нечего, другому есть, но он не намерен.

– Хотя я и нарушу закон тем, что вас пристрелю, но будьте уверены: я обязательно это сделаю, если вы ничего не скажете!

Иосиф хочет заговорить, но удар Лабберта локтем в бок вынуждает изменить намерения. Не получив ответа, полицейский кричит:

– Онемели?! Дерьмо собачье! Видимо, придется потрепать вас как следует!

Лабберт нервозно ерзает.

– Что ты наделал? – шепчет он Иосифу.

– Всего лишь вытащить тебя хотел.

– Бараньи твои мозги! Об этом тебя кто-то просил?

– Я и не ждал благодарности.

– Ты хоть представляешь, куда себя впутал? Куда своим безрассудством впутал тех двоих?

– Пока нет, но ты мне об этом непременно расскажешь!

– Еще чего!

– Я же должен знать, почему из прекрасного утра, проводимого возле электротехнических сооружений, мы вместе с двумя автомобилями, полицейскими и прочим хламьём переместились в чистое поле среди бела дня!

– погоди! Вскоре тебе не захочется знать, куда попала твоя задница! Будешь умолять переместить обратно. И никто не сможет тебе помочь. Смотри на это поле, небо, слушай птиц... созерцай и радуйся. Скоро все изменится...

– Если бы не наручники за спиной, я бы, может, и радовался. В самом деле, нет причин для грусти.

– «Наручники за спиной» скоро покажутся тебе развлечением, – усмехается Лабберт. – У нас умеют вычислять подозрительных. Здесь ты и двух дней не продержишься. Тем более ты из СССР... ну да, из России. Тем, к кому тебя доставят, будет плевать на твой идеальный немецкий – от боли на родном запоешь. А когда выяснится, что ты русский, возникнет интерес к твоему имени...

– Что не так в моем имени?

– Ничего особенного. На немецком оно звучит более благосклонно. Но на русском... Просто где-то за бескрайними полями, в глубине азиатских степей, среди красных каменных стен большевизма, восседает усатый человек с таким же именем... Проще говоря, отлично сойдемь за большевика. Думаю, не стоит напоминать, каковы истинные отношения между нашими странами. Фюрер хоть и делает вид, будто не намерен пускать «боевую машину» на восток, но на самом же деле только этим и грезит!

– Фюрера нет! – грубо отрезает Иосиф.

Полицейский поднимается:

– Прекратить треп!

– Как нет и «усатого человека», – уже тише заявляет он.

– Ты либо глуп, либо невнимателен, либо упёрт. Почему вполне зримые факты не могут прошибить твой мозг? Как ты до сих пор не догадался, что я из другого времени? Видимо, думал, перед тобой всего-навсего умалишенный, возомнивший себя человеком прошлого? Твои ранние сомнения вполне ясны... но что же сейчас тебя не устраивает? Почему не удивляет хотя бы странное пространственное перемещение?

– Очень удивляет... Но послушай, адекватный здоровый человек не может вот так сходу поверить. Мне нужно время и... ответы.

– Давай так: я постараюсь ответить на твои вопросы. А ты дашь обещание помочь освободиться и унести ноги.

Иосиф кивает.

– Вот и хорошо. В этом времени я – значимый ученый, на хорошем счету, и не хочу жертвовать положением. А если нас поймают с этими господами в зеленой форме, в окружении автомобилей двадцать первого века, будет столько вопросов... Лучше тебе не знать, как работает гестапо. Они и меня не пощадят.

Полицейский двигается к «Мерседесу» Иосифа, открывает багажник и с минуту в нем роется. Отыскав аптечку, возвращается к напарнику и, распечатав очередную упаковку бинтов, начинает аккуратно перевязывать раны. Все же чтобы перебинтовать спину человека в полубессознательном состоянии требуется, как минимум, усадить его неподвижно. Полицейский тщетно пытается выполнить разом две функции, напарник то и дело падает. Оказывать медицинскую помощь в полевых условиях всегда сложно, а делать это силами одной пары рук – сложнее вдвойне.

Он идет к Иосифу:

– Поможешь! Держи спину, так... вот так...

Иосифу вспоминаются страшные фотографии обожженных людей. Отслаивающаяся зеленовато-коричневая кожа с множеством кровоподтеков, язвы, волдыри. Он смотрел передачу, как на одном химическом заводе произошла авария, и сейчас видит что-то похожее.

Полицейский замечает дрожь в руках ассистента.

– Страшно?! Может, все-таки расскажешь, что произошло?

– Я бы и сам рад узнать.

– Не морочь голову, вы с этим типом в шляпе заодно!

– Эй, – доносится крик из автомобиля, – не хочу отрываться от важного занятия, но разве вы не видите? Это не просто раны, это последствия интенсивного облучения! Перебинтовывать человека в таком состоянии категорически воспрещается! Ему нужен хирург и хорошие медикаменты.

Полицейский склоняется и только теперь замечает странный характер ран на теле друга.

– Похоже, ты прав! Доктор?

– Нет, просто озвучиваю очевидное.

– Умник, значит! – Полицейский просовывается в салон и ударяет Лабберта по лицу.

– Я четверть часа над ним корячусь, а ты заявляешь только сейчас?!

– Уж извините, мне вообще-то велели заткнуться!

Полицейский садится на пассажирское сидение и, поставив ногу на порог, принимается настраивать рацию.

– Прием, прием! Нужна поддержка. Как слышите? Прием.

Ответом служит лишь шум.

– Эй, ты, – обращается он к Иосифу, – помоги усадить напарника в машину. Выдвигаемся в лечебное учреждение!

– Ему уже не помочь, – гундосит Лабберт, облизывая кровь на губах. – Даже если по счастливой случайности с неба свалится самая лучшая клиника, и врачи немедленно примутся за лечение, он проживет короткую мучительную жизнь.

– Заткнись, если не хочешь получить еще раз!

Полноприводная «Ауди» вырывается на проселочную дорогу. За ней поднимается стена непроницаемой пыли.

5

– Ничего не пойму... Где автострада, которая была здесь двадцатью минутами ранее? – спрашивает полицейский.

– Осталась позади, в будущем! – отвечает Иосиф.

– Шутить вздумал?!

– Он не шутит, – вступает Лабберт. – Всё действительно так. Единственное, он напутал со словами «позади» и «в будущем»... смысл не искажен, но формулировка необычна.

Полицейский не выдает нахлынувшей паники, тревоги и ужаса. Его чувства сейчас отданы разуму, который изо всех сил прощупывает варианты, как спасти напарника. В 2010 году он уже попадал в похожую ситуацию, но не в Германии. Он был членом Немецкого военного персонала в составе Международных сил содействия безопасности в Исламской Республике Афганистан. На их бригаду было совершено нападение, и, когда атаку удалось отбить, ему на собственных плечах пришлось выносить раненых. Он видел кровь и видел смерть, и с тех пор его это не пугало. Куда страшнее осознавать ответственность за то, что можешь попросту не успеть довести товарища до точки оказания помощи.

Добравшись до первого населенного пункта, полицейский сбавляет ход и присматривается к окружающим домам. Он не первый год патрулирует эти места и знает каждый городок в радиусе полста километров, но сейчас он начисто сбит с толку: улицы и некоторые здания вроде

бы на своих местах, но в то же время чего-то нахватает. Ему хорошо знаком местный ландшафт, он вроде бы прежний, но смущают деревья: в местах, где он привык их видеть, сейчас преимущественно ничего нет. Местные жители одеты нарочито старомодно. Мужчины либо в строгих костюмах, либо в крестьянских одеждах. На головах множество видов различных шляп, а вместо поясных ремней почти все носят подтяжки. У полицейского по коже гуляет мороз. Не понятно, кто тот непостижимый режиссер, который устроил такую невероятную постановку? Не понятно, почему все эти люди так смотрят в его сторону? Вот женщина роняет корзину с продуктами. Из нее выкатываются красные яблоки и куриные яйца. Вот мужчина, усердно толкающий тачку, засматривается и случайно переворачивает ее на бок. Какой-то рабочий с канистрой в руках вовсе спотыкается и падает, горячее попадает на одежду, но он не в силах оторвать взгляд от неизвестного автомобиля.

– Я знаю эти места много лет! Более того, я патрулировал в этом городке несколько часов назад; вон там, на углу должен стоять круглосуточный «Сабвей», в нем я пил кофе в три часа ночи. Но там пустое место, а судя по солнцу, сейчас далеко за полдень. Значит, со временем действительно что-то произошло?

– Так точно, господин полицейский, – усмехается Лабберт. – Рад, что до вас двоих наконец-то дошло! Бог мой, я думал, люди двадцать первого века будут куда более предрасположены к удивительным вещам, к фантастике, к восхитительным возможностям технических достижений! Как же я заблуждался! Вы ничем не отличаетесь от деревенщин из века двадцатого. Даже хуже. Вам, чтобы поверить, нужны сухие доказательства и факты, этим же достаточно красочных слов и захватывающих историй.

6

На одном из строений виднеется красный крест на белом фоне. Полицейский сворачивает туда.

Посмотреть на чудо-агрегат выходит сам главврач. Он поглаживает седую бородку, окруженный медперсоналом. После минутного оцепенения, облученного напарника все же уносят. Сейчас полуживое агонизирующее тело будут осматривать терапевт совместно с хирургом.

Лабберт с Иосифом прогуливаются возле машины и потирают запястья. Они пообещали вести себя тихо, и полицейский вынужден был их отстегнуть.

– Узнаю кольца автомобильных компаний, – говорит главврач. – Но что еще за модель? Я таких никогда не встречал.

– Концептуальная модель! – отмахивается полицейский. Ему не до болтовни. Через минуту он побежит за своим другом.

– Концептуальная, говорите? Очень интересно. А что это на вас за форма? Зеленая какая-то, больше на военную похожа. На спине большими буквами «полиция». Впервые вижу.

– Не имеет значения.

– Как знаете.

Уходя, главврач приказывает персоналу разойтись. Быстрым шагом скрываясь в глубине коридора, он размышляет, которому из ведомств доложить о случившемся. На столе под стеклом возле телефонного аппарата есть памятка с важными номерами. На этот счет у него строгие указания: доносы осуществлять только по каналу гестапо. На остальное существует «полиция порядка», но этих ребят он сегодня не побеспокоит.

Впервые приходится воспользоваться телефонным номером в графе под цифрой один. На морщинистом лбу выступают капельки пота, руки дрожат. Однако крепкий табак помогает с собой совладать.

Цинковый голос в телефонной трубке сообщает: группа выдвигается. Спецслужбы при диктаторских режимах работают великолепно.

Иосиф держится в тени дерева, прислонившись к стене больничного здания.

– Бежать не пришлось: наш полицейский оказался сговорчивым малым, – рассуждает Лабберт. Он становится рядом.

– Тогда как же наш уговор?

– Ты же не думаешь, что я такая редкостная скотина, которая может запросто сбросить со счетов человека, нуждающегося в помощи? Все, что хочешь знать, я тебе и так расскажу, без всяких уговоров. А вообще, будем честными: рассказывать-то нечего! Ты попал в прошлое, сегодня 10 сентября 1939 года. Германия. Как я догадался, историю ты знаешь хорошо; стало быть, объяснять, какая острая в мире царит обстановка, не нужно. Семь суток назад британцы объявили нам войну. Вермахт в данный момент блицкригом занимает территорию Польши. Боевой дух гражданского населения и армии на подъеме. Большинство немцев верит, или хочет верить, в нацистскую партию и фюрера. После прошлогодних и весенних завоеваний все прониклись глубокой верой в победу.

Ветерок теплыми порывами качает ветви и шумит листвой. Золотые лучики, играя и рябя, пробиваются сквозь зелень. Отовсюду доносятся отголоски безмятежной сельской жизни. Где-то гудит мотор, скрипит телега. Многоголосое и оттого незаметное тьяканье местных собак. Бормотание рабочих. Иосиф видит, слышит, верит, но не безоговорочно; сомнение в реальности еще слишком крепко. Он в предвкушении: хочется бежать, проверять, искать слабые места. Такого ведь не бывает! Мечты о путешествиях во времени проистекают из области фантастики. Он по-взрослому огорчен, но по-детски обрадован, что это случилось именно с ним.

Какой-то важный мужчина шагает с газетой, свернутой в трубочку.

– Уважаемый! – останавливает прохожего Лабберт. – Что будет стоить газета?

– Я еще не успел ее прочесть, – отзывается прохожий. – Но если она вам так нужна, я отдам совершенно бесплатно, товарищ. Хотя четыре пфеннига не помешали бы.

Лабберт отдает две бронзовые монеты со свастикой и орлом, берет газету и сует Иосифу.

– «Народный обозреватель», – читает тот вслух. Под пальцами хрустит бумага. С первой страницы смотрят лица партийных руководителей. Среди них – Герман Геринг.

– Зачем ты подсунул мне гнилое пропагандистское чтиво? – любопытствует Иосиф.

– «Гнилое пропагандистское чтиво» я подсунул для просвещения. Ознакомься с текущей обстановкой. Ты не глуп, но пока не успел толком понять, где находишься. Просто хочу, чтобы ты знал: в этом времени люди не шутят. Здесь не демократичная Европа двадцать первого столетия, где за неосторожное слово на тебя даже не обратят внимания. Здесь сажают за взгляд! Запомни, если хочешь выжить.

Иосиф чиркает зажигалкой и с улыбкой подпаливает краешек газеты. Та вспыхивает, ветер разносит дым и черные пепельные хлопья. Несколько мужчин, вышедших из дверей больницы, с ужасом наблюдают за неслыханной дерзостью: какой-то смельчак решил спалить главный политический орган у всех на глазах! Отчаянность невиданного масштаба!

– Прекрати! – возмущается Лабберт. – Я же только что объяснил принципы безопасного поведения в нашем обществе. Хочешь, чтобы тебя сцапал жандарм и передал в тайную полицию?

– Будь проще, Лабберт! Мне противно держать в руках это «чудо» Геббельсовского вранья. И с чего ты взял, что я всерьез намерен думать о безопасности? Я же не собираюсь здесь задерживаться!

– Да неужели! А как ты попадешь обратно? Сядешь и будешь ждать семьдесят с лишним лет?!

– К тому времени я безнадежно состарюсь. – Иосиф затаптывает тлеющие остатки бумаги. – Точно так же, как оказался здесь, я окажусь там.

– Размечтался! Без меня ты не сможешь этого сделать, а я пока не собираюсь покидать своё время. У меня много дел, да и вообще, я должен оправиться от увиденного в твоём времени. Будущее произвело на меня неприятное впечатление.

– Я подожду. Сколько потребуется – два дня, неделя?

– Не два дня и не неделя! – восклицает собеседник. – Полгода или год!

– Тогда я последую примеру нашего полицейского и заряду тебе крепкого кулака! Впрочем, если он не сделает этого раньше, ведь, небось, ему тоже хочется домой.

– Я вроде не из бюро добрых услуг. С какой стати я должен потакать вашим желаниям? Не я вас сюда притащил, не мне и вытаскивать!

8

К зданию подъезжает чёрный автомобиль. Выходят двое, третий, не глуша мотор, ждёт за рулём. Крепкие, в фуражках и форме. То, что Иосифу приходилось видеть лишь в фильмах, теперь прямо перед ним. Он запоздало чувствует опасность, когда один из них поправляет висящий на плече автомат.

У Лабберта каменное лицо.

– Ваши документы! – рыкает гестаповец, заводя палец за ремень.

Лабберт хлопает по карманам и протягивает паспорт гражданина Германии. Гестаповец вертит документ в руках и ледяными глазами поглядывает из-под козырька.

– Господин Голдхабер, что вы делаете возле этого госпиталя? Судя по документам, вы проживаете в Мюнхене. Являетесь членом научного общества... – офицер готовится зачитать следующую должность, но Лабберт так ударяет ладонью о ладонь, что гестаповцу становится ясно: произносить вслух такое не следует. Слегка сбившись, продолжает: – С какой целью вы приехали сюда?

– Прибыл в гости к одному научному сотруднику.

– Как зовут научного сотрудника?

Лабберт берет из головы первое имя и отвечает.

– Хорошо, мы выясним.

Гестаповец возвращает документы и переключается на Иосифа. Изучает его с ног до головы.

– Что за странные брюки? – озадаченно указывает гестаповец на темно-синие джинсы. – Кто изготавливает подобное? А эта светлая рубашка в розовую клетку? Впервые вижу такой пошив.

Иосиф одет по-летнему стильно. Однако такой вид не может не насторожить людей первой половины прошлого века.

– Я турист! – подавляя волнение, отвечает Иосиф.

– Предъявите документы.

– Они остались в машине.

– В таком случае, где ваш автомобиль?

Второй гестаповец пятится назад и ошеломленно кричит:

– Эй, посмотри-ка туда! Что это за чертовщина? – дуло автомата указывает на припаркованную возле чёрного входа «Ауди».

Обершарфюрер отступает. Глаза заметно округляются. Он снимает фуражку и мелкой поступью крадется к странному автомобилю.

– Полиция?.. – читает он. – Что еще за полиция? Что за номера? – разглядывает флажок Евросоюза с литерой «D». – Флаг чьей страны изображен на номере этого странного автомобиля?

– Флаг Европейского Союза! – гордо и с вызовом отвечает Иосиф.

Суровый взгляд в ответ.

– Довольно! Ганс, арестовывай. Разговор продолжится в кабинете.

– С ними должен быть еще один! – шуря глаз, замечает Ганс.

– Сначала усади этих, потом разыщем третьего. И пусть пришлют грузовик, нужно отбуксировать эту штуковину.

Ганс обходит «подозреваемых» сзади. Иосиф, игнорируя конвой, идет к главному, тот подозрительно таращится.

– Не ясно сказано? В машину, живо!

Но Иосиф будто не слышит. По пересохшему рту собирает остатки слюны и смачно плюет в лицо обершарфюрера. В воздухе возникает страшный накал. Ганс снимает автомат с предохранителя – если бы не шеф, потенциально попадающий под линию огня, он бы выстрелил Иосифу в спину. Обершарфюреру нанесен непоправимый удар по чести, теперь он должен собственноручно наказать виновника или навсегда утратить достоинство среди подчиненных.

– Всегда мечтал плюнуть в рожу нацисткой свинье! – хохочет Иосиф.

Покрасневший гестаповец расстегивает кобуру. Но в следующий миг от удара ногой двери госпиталя распахиваются, и оттуда бойким шагом выходит полицейский в зеленой форме. У него на руках только что умер напарник. Увидав происходящее из коридорного окна, он поспешил на помощь. В вытянутой руке полицейский держит компактный «Вальтер Р99». Первая пуля достается автоматчику – тот бесшумно падает. От второй пули падает обершарфюрер. Полицейский расстреливает гестаповцев прямо на ходу, даже не останавливаясь, чтобы прицелиться. Следующие три пули пробивают обшивку гестаповского автомобиля и уничтожают водителя.

– Помогите вынести тело моего друга! – приказывает полицейский остолбеневшим Иосифу и Лабберту. – Его не спасли. Мы уезжаем!

9

«Ауди» прорывается через город. Власти, жандармерия и спецслужбы уже оповещены о случившемся. Повсюду шныряют грузовики с вооруженными людьми. Задействован небольшой отряд эсэсовцев.

Автомобиль из будущего мчится мимо деревенских домиков. Полицейский время от времени включает «люстру» и сирену, чтобы отпугивать собравшихся на дорогах людей.

– Вы лишили жизни троих гестаповцев, – вещает Лабберт с заднего сидения. – Советую использовать все свои служебные навыки, в противном случае мы рискуем быть повешенными.

– Мне знакомы их методы, – отвечает полицейский. – Из больничного календаря я узнал, что сегодня 10 сентября 1939, а значит, страна на военном положении. Когда-то я про это читал. Германия в то... в это время просто непригодна для нормальной жизни: гестапо, концлагеря, диктатура...

– Я счастлив находиться в кругу знатоков истории, – острит Лабберт. – Но то, что для вас прошлое, для меня все же – моё настоящее. И хочу сразу внести некую ясность: все не так плохо, как вам может казаться. Жить можно даже при диктатуре. Вся суть подачи исторических материалов – учебников, художественных произведений, серьезных научных работ – в концентрации в них событий. Так у нас преподносятся исторические события вроде Мировой войны 1914 и ранее: берется одна или несколько тем и широко освещается, при этом почти всегда забывается обо всем остальном. Например, если в перечисленных источниках повест-

вуют о начале боевых действий, уничтожении народа, захвате территорий, то начисто забывают, что в это время где-то совсем близко существовала и обычная жизнь. Люди точно так же ходили на службу, пекли хлеб, нянчили детей. Ведь человек должен жить, несмотря ни на что. Среди всего этого, поверьте, встречается и дружба, и любовь, и счастье. Сейчас куда хуже живется в СССР. Вот где у человека нет прав! Если в Германии ты еще можешь косо взглянуть в сторону власти и не попасть за решетку, то уж там тебя в лучшем случае ждет долгая ссылка, а в худшем – расстрел.

Полицейский долго молчит, затем как-то осторожно произносит:

– Значит... сейчас, где-то совсем рядом, на относительно удалении, существуют они? – спрашивает он.

– Кто «они»?

– Диктаторы двадцатого века.

– А вместе с ними – многомиллионные армии! – восклицает Лабберт. – А еще – тайные службы, осведомители, переполненные тюрьмы, камеры пыток и прочая атрибутика диктаторского режима. Уж поверьте, все это есть.

Путь преграждает грузовик с деревянными бортами. Из него смотрят полтора десятка винтовок.

– Пригнуться как можно ниже! – приказывает полицейский. Он включает заднюю передачу и осуществляет красивый разворот. Из грузовика стреляют. Несколько пуль проходят сквозь металл и чудом не достигают пассажиров и важных узлов функционирования автомобиля.

«Ауди» без труда уходит в отрыв от техники тридцатых.

– Нужно вернуться за «Мерседесом», – из-за спинки сидения предлагает Лабберт.

– Зачем? – не понимает полицейский.

– Представьте, что было бы, если бы в вашем времени нашли звездолет будущего, припаркованный на лесной поляне! В том автомобиле применяются такие технологии, узнав которые нацисты продвинулись далеко вперед. Я хоть и немец, но не особо поддерживаю это движение. А после того, что я узнал из источников в вашем времени, нацизм кажется мне чудовищным проявлением социально-политического устройства. Я знал, что в стране есть лагеря, где содержат коммунистов, евреев и прочих неугодных, но не знал, что их жгут в печах! Для чего это?

– Жгут затем, что надо! – изрекает полицейский. – Это дело руководства. А если народ позволяет руководству занимать свое место, значит, народ где-то в глубине своей мелкой души приветствует происходящее. И не вздумайте мне возражать!

10

«Ауди» подкрадывается к лесной опушке, откуда хорошо просматривается местность. Полицейский глушит мотор.

– Выходите. В текущих обстоятельствах необходимо применить снаряжение. В багажнике имеется оружие и средства защиты.

Все трое в бронежилетах. Лабберт с любопытством осматривает новое обмундирование: в его веке нет ничего подобного.

– Оружием кто-нибудь из вас пользоваться умеет? – интересуется полицейский.

Иосиф косится на Лабберта, тот, в свою очередь, идет в машину и достает из рюкзака «Luger P08» с коричневой рукояткой.

– Проклятье! – недоумевает полицейский. – Все это время пистолет находился при вас?

– Да, господин полицейский, – смеется Лабберт, – а что такое? Вышла служебная промашка? Забыли проверить содержимое моей ручной клади, прежде чем взять на борт своего современного корабля?

Полицейский поджигает губы и отмахивается.

– Только от него толку чуть, – говорит Лабберт, – в нем всего два патрона.

– Дайте посмотреть. – Полицейский вертит оружие. – Как я и думал, разработчик этого пистолета еще и прародитель самого популярного в мире патрона. Стандартные девятимиллиметровые, у меня таких целый багажник.

– Сложно поверить, что в вашем времени все еще используются обычные патроны, которые стреляют вот уже век. Меняются только технические характеристики самого оружия. Эх...

– Начитались фантастики? – Полицейский возвращает пистолет.

В кустах что-то шевелится. Полицейский берется за дробовик и целится в зеленую глубину листьев.

– Живо в укрытие! Прячьтесь за машину!

Полицейский встает на колено и вжимается щекой в черный корпус оружия.

– Не стреляйте! – доносится тревожный голос. – Я всего лишь брожу по лесу в поисках корней и трав. Хайль!

Появляется плетеная корзина, затем человек.

Полицейский поднимается и опускает автоматический дробовик.

– Прошу, не стреляйте!

– Уходите. Ну же! Скорей!

– Да-да... ухажу, – говорит мужчина, но с места не двигается. Он не может оторваться от автомобиля. – Это... а... что...

– Живее покиньте местность! Здесь проходят военные учения, вы не должны никому рассказывать!

– Я понял. – Он быстро удаляется, не переставая оглядываться.

– Эй, погоди-ка! – будто что-то вспомнив, окликает его полицейский. – Да постой же! Далеко живешь?

– Примерно в километре отсюда, – отвечает перепуганный крестьянин. Взгляд его мечется между дулом дробовика и лицом человека в странной зеленой форме.

– Хочешь послужить родине?

Мужчина кивает.

– Можешь сделать так, чтобы в ближайшее время у нас в распоряжении появилась штыковая лопата?

– Лопата? Лопата у меня есть! – заискивающе отвечает он. – Могу принести две, даже три!

– Спасибо, достаточно одной. И помни – никому! Это секретное задание.

– Я понял!

– Иди же! Жду на этом же месте.

Теперь он спешит, даже не оборачиваясь.

Лабберт, Иосиф и полицейский выносят погибшего из автомобиля и укладывают на землю.

– Когда принесут лопату, будем хоронить, – объявляет полицейский. – Давайте сделаем это возле того невысокого дерева.

Все молча подхватывают бездыханное тело, испещренное багрово-коричневыми язвами, и мелкими шагами несут в указанном направлении.

Через полчаса обрадованный тем, что послужил Германии, мужчина приносит лопату. Полицейский приказывает ему немедленно скрыться, заверяя, что инструмент якобы будет реквизирован в пользу вооруженных сил. При этом он чуть не оговаривается «в пользу «Бундесвера», поправляется и говорит «в пользу «Вермахта».

11

Могила выкопана быстро: работают втроем, поочередно. Тело аккуратно спускают вниз. Полицейский уничтожает документы, чтобы в случае эксгумации тайная полиция и прочие силы Рейха не смогли определить принадлежность останков. На алюминиевом нагрудном жетоне затирают дату рождения и решают его оставить.

Они прислушиваются к каждому звуку и все так же по очереди размахивают лопатой, зачерпывая как можно больше земли и ссыпая ее в могилу.

Полицейский поглядывает на исчезающее тело напарника влажными покрасневшими глазами. За свою жизнь он похоронил более десятка боевых товарищей и сослуживцев, но до сих пор так и не может привыкнуть. Раньше ему казалось, что с каждым новым покинувшим строй будет приходиться равнодушие – увы, становится только хуже.

– Я не верю! – вдруг заявляет он. В его голосе чувствуется уверенность отчаявшегося человека. Он берет пистолет и приставляет себе к виску.

Лабберт смотрит с выражением полнейшего непонимания.

– Я не верю! – повторяет полицейский. – Этого всего нет, и быть не может! Какие нахрен нацисты, какой 39-й год?! Это же бред, вздор! Эй, ты вроде бы из моего времени? – Иосиф прекращает закапывать и выпрямляется.

– Вроде да, – отвечает он, вытирая пот.

– Тогда скажи, ты сам-то веришь?

– Во что, в перемещение? Черт его знает, я верю глазам и ощущениям, на протяжении всей жизни они были моими неразлучными спутниками. И если это существует, значит существует.

– А я вот отказываюсь верить даже собственным глазам. Я как раз завершал смену, когда дежурный по радиции сообщил, что какие-то люди ошиваются возле электрораспределительного комплекса. Приказали проверить. Поблизости было еще несколько патрульных машин, все мы получили одно задание и случайно пересеклись на развилке. Так получилось, что я ехал первым. Факт проникновения визуально подтвердился. Черный «Мерседес» свалил ограждение, дальше вы знаете...

Иосиф делает энергичное движение и сталкивает вниз большой ком земли. Его мало смущает направленный в висок пистолет, он уверен: полицейский не посмеет себя застрелить. Произойдет это не от недостатка смелости, а от избытка любопытства. Каждому интересно побывать в другом времени. Ради этого каждый готов забыть про строгие научные изъяснения и собственные инстинкты.

– Хотя какого черта я буду рисковать собой? – полицейский в порыве безумия наводит пистолет на Лабберта.

– Ты чего?!

– Проверим, насколько всё правда!

– Мало тебе одной смерти? – спрашивает Иосиф, не отрываясь от дела. – Вообще-то погиб твой сотрудник. Не знаю, какие между вами были отношения, дружеские или просто служебные, но я бы не стал проливать кровь возле еще свежей могилы, хотя бы из уважения к нему. Даже твой психоз не может служить оправданием. К тому же ты грозишь пристрелить единственного человека, который может помочь.

В довершение своих слов Иосиф подходит к полицейскому, отводит в сторону зловещее дуло и вручает лопату.

– На, держи. Пора поработать и забыть про глупости. Я не меньше твоего нахожусь под впечатлением, но взгляни на меня! Ты же защитник порядка и наверняка знаешь: потеря контроля в критической ситуации сулит неприятности.

Глава 3

1

Проводив товарища в последний путь, полицейский приходит в себя, берет инициативу и приступает к активным действиям. Они отправляются в место, где оставили «Мерседес», но автомобиля не обнаруживают. Транспортное средство, представляющее огромную техническую ценность, попадает в руки людей, для которых применяющиеся в нем разработки на сегодняшний день являются недостижимыми.

Над землями Единой Германии господствует ночь. Троица несколько раз меняет место дислокации. Опасность быть пойманными слишком высока. Им всё время кажется, что где-то поблизости гудят моторы грузовиков и кричат люди. В действительности все так и есть: за ними ведут охоту.

Без фар, по портативному прибору ночного видения, полицейский гонит «Ауди» вдоль полей, сворачивая на лесные тропы. Несколько раз машина проваливается в глубокий ручей, но ее внедорожным качествам можно позавидовать.

Гости из будущего продолжают красться, пока в приборе не истощаются батарейки. Найдя неплохую точку для укрытия – с одной стороны обрыв, а с другой – открытая, хорошо просматриваемая местность, – они, наконец, останавливаются на ночлег.

Полицейский неразговорчив. Он не расстается с дробовиком, ходит из стороны в сторону; присядет, опять встанет и молчит. Лабберт с Иосифом разжигают костерок. Они стараются брать только сухие ветки и исключают любые листья, чтобы избежать сильного дыма.

Их окутывают осенние запахи. Всепроникающим хором из травяных зарослей, треща, льются голоса сотен ночных сверчков. Иосиф про себя отмечает, что, несмотря на сентябрь, ночи на открытом пространстве вполне сносные. Где-нибудь в Подмоскovie, не надев свитер, вот так не посидишь. «Человеку гораздо важнее тепло и пригодные условия, – думает он. – Эпохи и времена имеют куда меньшее значение». На горизонте висят черные облака, но над головой пока звезды. Ветер порывистый. Кажется, скоро польет дождь. Предсказать сложно: метеостанции сегодня не достаточно точные, а сами синоптики, в гражданском значении, не настолько популярны. Иосиф ощущает потаенную связь с текущим временем. Словно бы фантастическое нечто не выдергивало его из одного века и не перемещало в другой. Словно он здесь и родился.

– Ладно, допустим всё так, – говорит Иосиф, уstraиваясь у огонька. – Нас закрутило во временную воронку, мы попали в прошлое. Но каким образом? Надеюсь, не станешь отрицать факт, что случилось это не спонтанно, а благодаря тебе? Ты просил найти электростанцию, пробрался, что-то там поколдовал. Я видел коробочку со странными иероглифами. Что это значит?

– «Коробочка», – улыбается Лабберт. – Не коробочка, а портативная машина времени! В теории, с ней можно попасть в любую точку пространства и времени. Прошлое или будущее, значения не имеет. Как, насколько мне известно, безразлично и место: если пожелаешь, можно появиться на планете Марс миллион лет назад. Лишь бы поблизости был источник энергии.

Иосиф потирает нос, скрывая тем самым улыбку.

– Да ну? А может ли эта штука выступать в качестве тостера? Вдруг, когда меня забросит на миллион лет назад, я захочу запечь хлеб?

– Ничего остроумнее я и не ожидал. Вы, люди, скупы на доверие. Видимо, в вашем времени, помимо демократии и мнимой свободы, преобладает ложь, обман и поедающее изнутри

низменное чувство, будто вас ежесекундно намереваются одурачить. Да о чем я говорю! Демократия ведь способствует развитию всего этого. Чем дальше в будущее уходит человек, тем сильнее он забывает основные заповеди. Хотя дело даже не в заповедях. Не лгать по любому поводу – основополагающий товарищеский долг! Я не утверждаю, что сейчас у нас все чистенькие, но боже мой, какова концентрация недоверия сейчас, и какова в будущем!

– После подобной реплики было бы целесообразно ответить на вопрос: а выжило бы общество, будь оно таким, каким его представляешь ты?

– Не знаю. Нет охоты трепаться в философском ключе. На мне отложился отпечаток будущего. Я в депрессии!

Лабберт врет: он не в депрессии. Напротив, путешествие в будущее встряхнуло и оживило этого человека. Тем не менее, он всем видом показывает, что собеседник из него никудышный, и разговор лучше не продолжать. Конструировать такую линию поведения приходится неспроста: ему есть что скрывать. Но Иосиф непреклонен, он выводит оппонента на темы, которые не может проигнорировать ни один на свете ученый, будь тот из прошлого или из будущего.

– Это изобретение Третьего Рейха? – спрашивает Иосиф.

– Да, личная разработка Адольфа Гитлера. Гений, понимаешь ли, во всем гений, и в политике, и в технике... Конечно, нет! Ты и впрямь думаешь, что если люди будущего не научились создавать ничего подобного, то всемогущий Рейх способен?

– Наш век переполняет недоверие, а ваш – колкости! – говорит Иосиф. – Мы не такие разные. Черт знает ваш Рейх! Слышал, сколько гуляет легенд о том, что якобы предвоенная и военная Германия творила чудеса во всех областях науки? Самые смелые утверждают, будто бы даже ракету межпланетную создали, и на Луну полетели. Про оккультизм вообще молчу: в этой сфере сплетен гуляет гораздо больше. Ни в одной стране мира всему этому не уделяли столько внимания!

Лабберт смеется.

– Ракету? Ну да, ну да! Ха-ха... – он заходится кашлем. – Разработки ракет активно ведутся, но уверяю, о полетах на Луну пока лучше не мечтать. Им бы за облака залететь и не свалиться. Да ладно за облака – хотя бы просто взлететь без аварий. Это же хрупкая техника: малейшее отклонение – и упадет на голову. Навыдумывали, мать вашу, фантазеры! Ну и ну!

Полицейский отсиживается в отдалении, в разговор не вмешивается и делает вид, будто не слышит. «Что мне ракеты и оккультизм? – думает он. – Мне бы на Гитлера поглядеть, на парады партийные. Форму примерить эсесовскую. Войну посмотреть. Мой Афганистан, набитый Натовскими войсками и талибами, по сравнению с маневрами Вермахта будет выглядеть чрезвычайно смешно! Хотя кое-какой полученный военный опыт пригодится. – Он ловит себя на этой неожиданной мысли. – Пригодится для чего? Я же не собираюсь здесь воевать? Слава богу, нет! Или?.. Так или иначе, дома меня ждут живым»

Он старается не думать об этом. Он знаком со своим пылким характером, подчас подталкивающим на рискованные предприятия.

– Тогда давай начистоту, – звучит голос Иосифа. Слабым мерцающим светом огонек костра подсвечивает его лицо. – Если это устройство не ваших рук дело, тогда чьих?

– Не известно. Недавно вернулась Тибетская экспедиция. Они привезли в Германию множество «сувениров». Надо отдать должное, тибетцы не скупались на щедроты во имя «западной свастики». Правда, эту штуку пришлось выкрасть: монахи держали ее под сводами некоего храма и чутко охраняли. Но экспедиционная группа заинтересовалась ею больше остального и провела спецоперацию. Кстати, когда потеря была обнаружена, хранители не очень-то и расстроились. Только велели уходящей группе быть осторожнее. Якобы то, что теперь было у них, получено от злых духов. В Германии специалисты долго ломали голову: вскрыть «коробочку» не удавалось. На верхней стороне есть чувствительные кнопки, каждой из которых присвоен

символ неизвестного значения. Лингвисты проштудировали древние языки, но не нашли ни малейшего сходства с каким-либо языком, встречающимся у народов Земли. Соответственно, значение кнопок установить не удалось. Неопознанную вещицу отправили в спецхран.

– Как попала к тебе?

– Проявил эрудицию, а проще говоря – украл. «Сувенир» представился мне интересным. Вещью, над которой имеет смысл поработать. Благодаря счастливой случайности, мой родственник как раз отвечает, а теперь уже отвечал за спецхран: если пропажа обнаружилась его наверняка уволили и лишили звания.

– Ну, Лабберт, ну злодей, подставил нациста-родственника! – смеется Иосиф. – Бедняга теперь, небось, без погон и петлиц шастает?

– Не смешно. Если так, он меня пристрелит как только повстречает.

– Не пристрелит! Если доложишь, что побывал в будущем, его восстановят, а тебя произведут!.. Правда не известно, в какую палату: ту, что повыше и поближе, или ту, что пониже и подальше.

– А ведь я и правда, хоть частично, но раскрыл код, – мечтательно произносит Лабберт. Они понемногу начинают привыкать к незначительным издевкам со стороны друг друга, и подобные колкости теперь не препятствуют разговору. – При расшифровке я не стал полагаться на лингвистику и прибегнул к математическим методам. Все дело в числах!

Он развязывает рюкзак и бережно достает предмет разговора. Вещь смотрится увесисто. Толстая книга – с этим можно сравнить габариты. Металл цвета бронзы при свете огня приобретает взвешиваемую таинственность.

– Держи вот, посмотри. – Лабберт протягивает вещь Иосифу.

Ожидания относительно массы оправдываются – около трех килограмм.

– Только берись за края, – предостерегает он, – не трогай символы. Не то втянешь нас в какую-нибудь временную аномалию. Мне пока не известны все возможности прибора.

– И мы здесь, благодаря этой штуке?

– Занятно, правда?

– Очень.

Иосиф проводит ладонью по боковой стенке. Металл слегка шероховат, вдобавок на поверхности множество извивающихся бороздочек. Они неглубоки, чуть глубже миллиметра, и хаотичны в многочисленных изгибах. Если бы Иосифа спросили, что это напоминает, прежде всего, он бы провел аналогию с топографической картой очень извилистой местности. В школе, где он преподавал, часто приходилось бывать в кабинете географии, там на стене как раз и висела одна из таких карт. Многие «бороздочки» извиваются параллельно, что придает еще больше сходства с картой.

На самом деле, линии никакого отношения к топографии не имеют. Человек всегда пытается найти сходство с чем-то общеизвестным.

Точки соприкосновения пальцев с металлом начинают излучать бледно-зеленоватый, а затем и ярко-радиоактивный свет. Иосиф чувствует прилив тепла.

– Ты что-то нажал? – нервничает Лабберт.

– Что я мог нажать? – Иосиф перехватывает коробочку и берется за противоположный край. Зеленые точки теряют свет и набирают силу в новых местах контакта.

– Ничего не пойму. Поставь-ка на землю.

Иосиф ставит коробочку и демонстративно поднимает руки выше головы. Свечение прекращается.

– Я ничего не нажимал. Ты же сказал не трогать лицевую сторону, я ее и не трогал.

– Вообще-то в самом свечении нет ничего удивительного, но только вблизи источника энергии. К тому же светится не вся поверхность, куда поставишь палец, а только символы.

– Премию мне! Я открыл новые функции.

– Будем надеяться, что они не принесут нам ничего плохого. В последний раз, когда мной были открыты новые функции, я оказался в будущем... Не скажу, что это плохо, но...

Он берет предмет и, не сводя с него глаз, прячет в рюкзак.

– Жаль чемодан. Он был удобнее.

– А что случилось с тем парнем? – Иосифа захлестывает новая волна интереса.

– С его напарником? – Лабберт кивает в темноту.

Иосиф многозначительно моргает. Полицейский перестает размышлять о своем и готовится слушать.

– У него присутствовали признаки радиационного облучения. Если вспомнишь те первые лабораторные эксперименты, где ученые устанавливали свойства различных изотопных элементов, после которых кого-то раньше, кого-то позже ждала лучевая болезнь, то проведешь сравнительные параллели. Я не могу утверждать, что в конкретном случае произошло именно это. Язвы на теле вполне могли появиться вследствие чего угодно, например ожога. Теперь знаю точно: в следующий раз лучше находиться как можно ближе к устройству. Насколько я помню, тот полицейский был на несколько метров дальше. Видимо, чтобы переместить еще одного человека в другое время, не хватило мощности.

– Значит, чтобы переместить два огромных автомобиля и всё твое рюкзачное барахло, мощности хватило? – вмешивается из темноты голос полицейского.

– Сам удивлен, – говорит Лабберт. – Но я знаю немногим больше вашего.

– Сдается мне, знаешь ты как раз гораздо больше, только по каким-то причинам темнишь! Почему? Честного ответа я не жду. Но в твоих интересах мне его предоставить, иначе я сам доберусь до правды. И тогда... – Голос полицейского звучит угрожающе.

– Послушай, у тебя есть имя? Как к тебе обращаться?

– Меня зовут Лотар. Моего напарника звали Франц... если это кому-нибудь интересно.

– Имя напарника я прочел на нагрудном жетоне. Послушай, Лотар, я прекрасно понимаю твое состояние. Я сам терял друзей, терял порой нелепо, как и ты. Вот есть человек, идиотская случайность – и его нет. Но на людей я не бросался. Тебе это тоже не должно служить оправданием...

– Я и не бросаюсь, – спокойным тоном прерывает Лотар. – Просто не люблю, когда говорят неправду.

– С чего ты взял? – раздражается Лабберт.

– Я кто, по-твоему? Мальчик-несмышлениш? Если в темноте не видно моей полицейской формы, это еще ничего не значит. Включи фонарик и посмотри! И чтобы тебе было известно, полицейский в Германии – не пустой звук! Еще со времен академии мне знакомы основы человеческой психологии. Установить, врет человек или нет, я могу почти с первого взгляда. До того, как он раскроет рот, мне будут известны его намерения.

Лабберт мотает головой и кривит губы.

– Короче, у тебя есть время подумать до утра, – продолжает Лотар. – Если расскажешь все, как есть, обещаю: обижаться не стану. А сейчас я иду спать. Если заметите малейшую активность, будите. Вам тоже советую не засиживаться, нужно набраться сил перед неизвестным завтрашним днем.

Лабберт предлагает Лотару смочить горло глотком кофе. Он соглашается и уходит.

Спустя пять минут, чувствуя смертельную усталость, Иосиф тоже бредет спать. Лабберт и ему заботливо предлагает глоточек кофе. Но Иосиф отказывается. «Ну и ладно, – думает Лабберт, – ты свою дозу и так вылакал...»

2

Ночь тиха как дыхание покойника. Ветер слаб. Он едва шевелит листву на деревьях. Иосиф открывает глаза, перед ним «Ауди». Обняв оружейный ствол, прильнув к колесу, полицейский самозабвенно спит. «Странно, как я оказался на улице? – размышляет Иосиф. – Вроде уснул на заднем сидении. В чем дело? Неужели брожу во сне?»

На горизонте появляются автомобильные фары. Иосиф вслушивается. Мотора не слышно; установить, грузовик ли это, набитый штурмовиками, или обычный легковой автомобиль – невозможно. Во втором случае полицейский разделается с опасностью двумя-тремя выстрелами, в первом же, может, не разделается вовсе...

– Просыпайся! – Иосиф толкает полицейского. – Ну же! Нас обнаружили! Просыпайся!

Ответа нет. Иосиф понимает, что живому, пускай сонному, телу противоестественно быть таким мягким. Он наклоняется, чтобы подтянуть его за руку, но обмякший труп и вовсе заваливается набок.

Фары близко. Иосиф выдергивает из рук мертвеца штурмовой дробовик и пытается произвести пробный выстрел. Но спусковой механизм предательски заклинивает. Другого оружия поблизости нет. Машина останавливается. Фары бьют ослепительно. Иосиф узнает в них свой угнанный «Мерседес» и, отбрасывая негодное оружие, выдвигается навстречу. Двери распахиваются. Уверенным шагом к нему идут двое. Их плечистые фигуры частично заслоняют свет. В ослепительных лучах отчетливо вырисовываются контуры плащей.

Иосиф волнуется.

– Эй, кто вы?!

Теперь он может различить лица. Он узнает их. Это те самые, что приходили во сне! Ему страшно. Пускаясь наутек, он слышит, как подошвы нацистских сапог переходят на бег. Они догоняют. В руках Иосифа оказывается знакомая Мосинка! Он поворачивается, берет одного из них на прицел и стреляет. Враг не падает, более того, немец, как ни в чем не бывало, начинает улыбаться. Еще выстрел. Впустую. Еще. Патроны заканчиваются. Нацист достает револьвер и стреляет Иосифу в лоб. Вырвавшийся столб огня уносит в непередаваемо-горячую липкую трясину...

3

– Эй, чего скулишь?

Иосиф продирает глаза и не может понять, где он.

– Кошмар приснился? Еще бы! Этот гад напоил нас какой-то дрянью. Утром я не смог его найти. Да что с тобой? Это я, Лотар, полицейский...

Иосиф смотрит стеклянными глазами; застрял где-то между реальностями. С водительского сидения Лотар пытается рукой достать Иосифа. Это едва удастся. Он выходит, открывает заднюю дверцу и окатывает его минеральной водой.

– Очнись!

Иосиф трясет головой будто пес.

– У-у-у, голова моя чугунная... Значит, наш ученый сбежал? – хрипит он.

– Опоив нас каким-то дерьмом! Думал, сдохну, когда очнулся. Тебе должно быть поганее, ты хлебал эту дрянью еще возле костра. Что говорить, если меня от одного глотка так вштормило.

– Но почему?

– Кто знает. Мало того, этот гад нас еще и обобрал.

Иосиф морщит лицо и вопросительно смотрит.

– Бронежилет, дробовик, рация, – перечисляет Лотар. – Это то, что я обнаружил сходу. Список может расширяться, когда я загляну в багажник.

– Мне не хочется думать, что этот человек так поступил. – Иосиф выглядывает из машины и носом втягивает воздух серого утра. – Более того, мне нельзя так думать! Понимаешь, Лотар, я ведь и так на грани того, чтобы разочароваться в людях!

– А ты представь, что у него на то были причины. Может, полегчает.

– Нет, боюсь, этой выходкой он окончательно разрушил остатки веры в человечество. И если кризис среднего возраста у меня наступит раньше, чем положено, то только по вине этого гражданина.

Лотар протягивает бутылку с французской минералкой.

– Освежись! У тебя бред.

– Ты случайно яда сюда не подсыпал? – разглядывая жидкость через донышко, осведомляется Иосиф.

– Подсыпал. Сейчас вылью на голову, и ты облысеешь!

– Просто если и ты окажешься не тем, за кого себя выдаешь, я покончу с собой...

– Я именно тот, кем был с самого начала – полицейский, пытающийся предотвратить правонарушение! Это вы затащили меня в эту приключенческо-временную задницу. Точнее, твой неверно выбранный друг.

Иосиф выбирается из машины, потягивается и разминает косточки. Типичное осеннее утро. Что в России, что в Германии – разницы нет. С окрестных сел тянет запахом дыма – народ топит печи. «Печи, – думает Иосиф. – Интересно, крематории в концлагерях в тридцать девятом уже запустили, или уничтожение еврейского народа пока не достигло промышленных масштабов?»

– Что теперь делать? – риторически спрашивает Иосиф. – Мы одни, в чужом времени, в стране диктаторского режима, окруженные странами диктаторских режимов! На западе – клочок земли в виде пока еще не поверженной Франции, испанский генерал Франко и океан. На востоке – Сталин. На север нам не надо. Остается юг. Но и там – Муссолини! Мы, черт побери, в полном нацистско-большевистско-фашистском дерьме!

Лотар гладит небритые щеки и улыбается.

4

За спиной Иосифа раздается оглушительный взрыв. Хлопок настолько силен, что ушам становится больно.

– Беги, не останавливайся! – догоняет голос Лотара. – Это бензобак!

«Ауди» полыхает красно-желтым пламенем. Вместе с ней сгорают все занесенные сюда достижения двадцать первого века. Сгорает дорогой «айфон». С ним Иосиф до последнего не желал расставаться, но когда полицейский у него на глазах выбросил свой точно такой же – пошел на это без промедления. Горит весь оружейный арсенал, за исключением одного пистолета, который Лотар прихватывает с собой. Горят документы: визы, паспорта, авиабилеты на обратный рейс в Шереметьево. Единые денежные знаки Европы. Даже пять тысяч рублей и три сотни баксов, хранимые Иосифом во вшитом кармане, на «всякий случай». Ко всему этому, рассудительный Лотар заставляет Иосифа лишиться своих штанов. Американские джинсы появятся гораздо позже. Вместо них он выдает отличные новые брюки, которые входят в состав полицейской формы. Все, что потенциально может вызывать вопросы, безжалостно уничтожается.

Минутой ранее, слив из бака бензин, Лотар тщательно облил свой патрульный автомобиль изнутри и снаружи. Выстрел сигнального патрона заставил топливо вспыхнуть.

Они спинами чувствуют температуру пожара. Лотар не может поверить, что ему собственноручно пришлось поджечь ведомственную машину. Но её доверило государство, которому еще только суждено появиться. Это немного скрадывает нетривиальность поступка.

– У тебя при себе осталось хоть что-нибудь связанное с... будущим? – спрашивает Лотар запыхавшегося Иосифа.

– Трусы с американским флагом. Но если дело дойдет до того, что мне придется их показать, значит, все слишком плохо, и дальнейшая конспирация ни к чему.

– В таком случае все нормально! – Взгляд Лотара застывает на руке Иосифа. – Электронные часы!

– Э-э-э, – Иосиф переходит на шаг и мотает головой. – Это подарок!

– Ради него ты готов пожертвовать головой?

– Боже мой, это всего лишь часы! Кто будет к ним присматриваться?

– Чаще всего такие детали и являются причиной провалов у разведчиков.

– Излишняя суетливость, кстати, тоже.

Через несколько сот метров ходьбы, Иосиф молча снимает часы и бросает в ближайший овраг.

Они бредут по проселочной пыльной дороге. Хмурое утро сменяет хмурый день. На их счастье, небеса терпеливы и всего лишь грозятся пролиться дождем.

Сон обоим пошел на пользу. Только Иосиф чувствует дискомфорт от того, что нет возможности умыться и почистить зубы. Лотар – солдат, и более приспособлен к нестандартным ситуациям. При необходимости он не побрезгует умыться и в придорожной луже.

– Нам нужно скорее убираться как можно дальше, – говорит Лотар. – Придется некоторое время пробираться по пересеченной местности и ночевать под открытым небом.

– Если пойдем в одном направлении, вскоре уткнемся в дорогу. Почему бы просто не сесть в автобус?

– Грубая ошибка беглеца! Если бы я вчера не вальнул троих гестаповцев, мы бы так и сделали. Когда случается убийство, что в первую очередь делает преступник после того, как спрячет улики?

– Что за глупый вопрос? Конечно, прячется сам.

– Ищет возможность покинуть место вероятного поиска, используя транспортные ресурсы: автобусы, автомобили, прочую технику. Если это происходит в пределах крупного населенного пункта с трудноотслеживаемыми транспортными потоками, он теряется. В нашем случае мы далеко от крупного населенного пункта, транспорт отлично прослеживается – в каждый автобус можно посадить сотрудника, останавливать каждый автомобиль, повозку... Мы, тем самым, загоним себя в ловушку.

– Думаешь? Что ж, тебе лучше знать. Я всего лишь школьный учитель.

– Я как раз хотел узнать, кто ты такой. Где преподавал?

– В столице.

– В Берлине?

– В Москве, – косится Иосиф.

– Ты что, из России?

Иосиф одаривает собеседника повторным косым взглядом.

– Все это время я считал тебя немцем. Вот черт! Теперь пройдет много времени, прежде чем выветрится первоначальная ассоциация. Этот твой «Мерседес», твой вид и отличный немецкий. Выходит, ты учитель немецкого?

– Теперь я и сам не знаю, кто я такой, – произносит Иосиф. – Накануне я понял, что моя жизнь была скучна, как постное масло. Если я когда-нибудь вернусь к прежней жизни, с большой долей вероятности не смогу быть тем, кем был.

– Может, это к лучшему? Вернешься домой, переквалифицируешься, ударишься в науку, будешь писать работы, объясняющие временные перемещения. Только не вздумай никому рассказывать, что тебя на это сподвигло, не то сочтут... сам знаешь, кем.

– Думаешь, мы вообще сможем вернуться?

– Конечно! Разыщем того типа в шляпе, который нас сюда забросил, и заставим вернуть нас в будущее. А если вздумает сопротивляться, я быстро вышибу дурь и вселю мотивацию. Вот и все. Двадцатый век, Третий Рейх, Вторая Мировая – это все жутко и чертовски небезопасно. Хотя дело даже не в этом. Просто мне нужно домой, у меня жена и маленький сын.

– Мои причины хоть и не настолько веские, но я тебя поддерживаю. Я, как и ты, не намерен здесь задерживаться. Я всегда любил историю и с интересом относился к событиям прошлого, но жить в одном из нестабильных времен не желаю.

– Значит, сейчас наша задача – изловить этого придурка Лабберта.

5

Бывших солдат не бывает. Органы чувств Лотара напряжены до предела. К нему возвращаются боевые навыки. Армия и год в Афганистане не прошли даром. Хорошо испытывать чувство свободы в тактических действиях. На войне, если боец не успел забраться по офицерской лестнице, им постоянно командуют. Здесь этого не предвидится, но возрастает и ответственность. Он чувствует, что с Иосифом будут проблемы «Учитель... – думает он. – По-видимому, даже в армии не служил. Жалкое будет зрелище, когда наступит критическая ситуация. Видел таких, знаю...»

– Ложись! – Он сбивает Иосифа с ног.

– Эй! – возмущается тот. Лотар запускает пальцы в волосы Иосифа и крепко прижимает голову к земле.

– На десять часов – грузовик!

Иосиф не сразу понимает, о чем идет речь.

– Лежи, не двигайся. – Он кладет перед собой пистолет и вынимает магазин. Рука тянется в карман, где лежит коробочка с патронами.

– Тебе это зачем? – шепчет Иосиф, глядя на то, как он вынимает одни патроны и на их место вставляет другие.

– Хочу зарядить несколько экспансивных пуль. И плевал я на Женевскую конвенцию, когда здесь такое творится.

Иосиф приподнимает взгляд, просматривая местность. В трехстах метрах отсюда, вдоль леса медленно катит открытый грузовик. В кузове никого нет – люди в коричневой форме выгрузились заранее и, рассредоточившись, идут вслед.

– Похоже, у них собаки! – говорит Иосиф.

– Так и есть. Они нас заметили. Сейчас осуществляют ложный маневр: хотят обойти с правого фланга. Тактически это верно: слева поле, открытые спины: если вздумаем бежать, настигнуть нас труда не составит.

– Что же делать? Их там, по меньшей мере, человек пятнадцать, плюс псины.

– Зайдем оборонительную позицию прямо тут. Твоя задача – отползти назад и спрятаться позади меня.

– Зачем мы только шли по этому полю? Можно же было держаться деревьев, – негодует Иосиф, неумело переползая на брюхе.

– Тактически было необходимо видеть вокруг как можно больше открытого пространства. Это страховало нас от внезапного нападения и ближнего боя, в котором я с одним пистолетом преимуществ иметь не буду.

Иосиф хочет задать очередной вопрос, но Лотар велит замолчать.

Как он и говорил, группа штурмовиков, дойдя до определенной точки, быстро приближается. Лотар выставляет прицел на максимальную дистанцию и, размяв кистевые суставы, вытягивает руки. Рукоятка твердо упирается в почву. Лотар прекрасно знает: вести перестрелку с одного пистолета против десятка винтовок – занятие очень рискованное. Но в себе он уверен.

Штурмовики чувствуют неладное и останавливаются. Собаки на поводках с лаем рвутся вперед, но их резко одергивают. Двое с винтовками лезут в кузов. Таким образом, они оказываются в более выгодной позиции. Лотар не в восторге. Стрелять он пока не может: прицельная дальность «Вальтера» не более ста метров. Не теряя цель, он перекачивается в надежде найти подходящую позицию. Иосиф, пытаясь, повторяет движения.

Из грузовика раздаются первые выстрелы. Пули свистят над головами.

– Почему не стреляешь? – спрашивает Иосиф.

– Заткнись! Не мешай! Еще не время.

– «Не время», – бормочет Иосиф. – Хорошо, пускай нас первыми продырявят.

Несколько пуль ложатся в считанных сантиметрах от руки Лотара. До Иосифа долетают взрытые кусочки земли, попадая в рот. «Почему Немезида судьбы подчас так жестоко карает за безобидные желания? – размышляет он. – Почему неверно истолковывает? Желая ощутить вкус немецкой земли, я не имел в виду буквально ее жрать!»

– Руки из задницы! – кричит Лотар через поле. В ответ раздаются очередные выстрелы. На этот раз траектория пуль проходит чуть дальше.

К Иосифу подступает дрожь. Сердце превращается в барабан. Он впервые на линии огня. Если не учитывать Лабберта с пистолетом, наставленным еще в «Мерседесе», до этого ему даже не угрожали. Лотар спиной чувствует страх нового напарника.

– Успокойся. Это какие-то новобранцы, оружие толком держать не умеют.

– Вой-н-на... началась! Сол-д-да-ты мобилизованы н-н-на фронт, – стучит челюстями Иосиф.

– Брат, да тебе совсем плохо! Держись, сейчас я начну прицельную стрельбу.

Первые три выстрела Лотар производит один за другим. На той стороне падают сразу двое. Иосиф утыкает нос в землю и закрывает голову руками. Соппротивление противника нарастает. Шлепки врезающихся в землю пуль слышатся со всех сторон. Когда у человека закрыты глаза, он гораздо острее начинает чувствовать окружающее пространство. Мозг обрабатывает звуковые волны в несколько раз быстрее. Почти всегда это идет на пользу. Это задумано природой как спасательный механизм. В темноте, или при отсутствии зрения, человек может смело полагаться на внутренние ощущения. Но когда он не в состоянии ни на что повлиять... от этого делается только хуже. Страх переходит границы. Когда чувствуешь каждую пулю и ничего не можешь поделать – это сводит с ума.

Иосиф в отчаянии мысленно пытается заставить себя превратиться в желе. В мягкую бесформенную субстанцию, чтобы растечься по плоскости и ускользнуть от опасности. На секунду ему думается, будто это удалось, но очередной залп возвращает к реальности.

Все прекращается очень быстро, несмотря на то, что внутренние часы Иосифа отбивают свой, продолжительный ритм. Для него проходит чуть ли не час.

– Полежи-ка пока здесь, – говорит Лотар. Его спокойствие можно расценить как вызов, но это не так. Просто он снова стал солдатом. Снова стал убивать.

Иосиф поднимает глаза и пытается задать вопрос. Но слова вылетают не те. Еще и ломаются на середине. Он понимает, что не может членораздельно произнести даже несколько фраз и замолкает.

– Они побросали винтовки и подняли руки, – заявляет Лотар. – Четверых я все же уложил. Пойду, надеру зад остальным. – Он перезаряжает патроны и, по-полицейски взяв на мушку, на полусогнутых отправляется к оставшимся.

– Ост-т-торожней! – трещит Иосиф.

6

Отряд из пятнадцати человек деморализован. Как выясняется, оружие было только у половины. Четверым из них Лотар подарил по пуле. Двое валяются прямо здесь, на земле, в кругу ошеломленных товарищей, еще двое в кузове. Оценив феноменальную меткость Лотара, никто из оставшихся бойцов не решился подобрать винтовку и продолжать борьбу. Овчаркам отдана команда «тихо». Теперь они спокойно сидят и, высунув языки, внимательно наблюдают за происходящим.

– Кто пошевелится – присоединится! – Лотар указывает в сторону тел. Одному парню экспансивной пулей разорвало череп. Жуткое зрелище.

– Кто вы такие? – спрашивает старший штурмовик. При этом его округлое лицо, на котором вполне уместно смотрится картофельный нос, выражает неподдельный страх.

Лотар резко наводит на него пистолет.

– Отлично, ты мне и нужен! Гадина коричневая!

– Не смейте разговаривать в таком тоне! – возмущается младший штурмовик.

– Заткнись, сопляк, – брезгливо бросает Лотар. – А ты, командир, прикажи сосункам поискать веревку!

Картофельный нос вздрагивает.

– Фридрих, Юрген, тащите веревку!

Те смотрят на своего командира горячими молодыми глазами. Они не согласны с тем, что их командиру приказывают, и пытаются как можно безобиднее протестовать.

– У нас же нет веревки, – тонкий мальчишеский голосок до смешного наивен. – А если мы отвяжем собак, господин стрелок будет не рад.

Картофельный нос морщится. Из-под коричневой кепки струится пот.

– Делай, что говорят! – рявкает он. – В кузове есть трос.

Лотар непроизвольно улыбается. «Судя по всему, передо мной типичный прусский унтер, заставший фронта Первой Мировой»

– Командовать ты умеешь, молодец. Теперь собери в одну кучу оружие и потрудись разрядить.

– Я?

– Ты! И без глупостей.

– И кто свалил такое проклятье на наши головы? – бормочет он и поднимет несколько винтовок.

– Кто?! Возможно, ты его даже знаешь! – отвечает Лотар.

Штурмовик бросает непонимающий взгляд.

– Тоже нацист. Возможно, крупная шишка, пьет чай вместе с Гитлером в Бергхофе.

– Я не верю! – измокая от пота, возмущается толстяк. – Что это значит? Какое отношение вы имеете к фюреру? – Роттенфюрера начинает грызть червь сомнения. «А не сглупил ли я, гоняясь за этими людьми? – думает он. – Может быть, это какие-нибудь разведчики, например, из Абвера? Может, перед нами «свои»? Но тогда сглупило и все наше руководство: ведь на поиски был брошен не только наш отряд. Ох, господи...»

– Чего задумался? – подгоняет Лотар. – Слишком много пищи для размышлений? Тогда радуйся: больше я тебе ничего не скажу.

7

Лотар на ходу разворачивает карту, которую забрал у штурмовиков. Иосиф устало бредет сзади, мысленно проклиная весь белый свет. Штурмовики были связаны и посажены в кузов

грузовика. Топливный бак продырявлен. Собак напоили водой и привязали к бортам. У всех у них впереди целый день. Не вернувшийся с поисков отряд обнаружат только поздно вечером.

Используя навыки ведения допроса, Лотару удалось ухватиться за интересную информацию. Роттенфюрер признался, что за полчаса до их отбытия на поиски преступников, в Ландсхут прибыла машина с государственными номерами. Машина была из Мюнхена. Водитель прибыл один, плохо ориентировался в городских улицах и несколько раз осведомлялся, как проехать к зданию городской администрации. В следующий раз грузовик штурмовиков пересекся с партийным «Мерседесом» уже на выезде. На этот раз в машине сидел пассажир. Роттенфюрер с картофельным носом готов был поклясться, что на нем была эсэсовская форма, вроде бы даже с петлицами штандартенфюрера. Конечно, явление не феноменальное, но не каждый день в этот маленький городок, ни с того, ни с сего, приезжают за полковниками.

– Ты действительно думаешь, что это был Лабберт? – спрашивает Иосиф.

– Скорее, чутье подсказывает. Слишком много совпадений. Водитель из Мюнхена, не знающий, куда ехать за своим шефом – выходит, он его сюда не привозил. Высший эсэсовский чин спустя двадцать минут... До службы в Афганистане я хотел стать криминалистом.

Иосиф смотрит Лотару в спину. «Этот чудик побывал в Афганистане?»

– ...Неспроста все это, неспроста.

Глава 4

1

Кабинет начальника Мюнхенского отделения Аненербе

В спину господина, облаченного в эсесовский мундир, смотрит портрет фюрера. Хозяин кабинета ежесекундно чувствует всепроникающее, холодное, нетелесное присутствие этого человека с коротенькими усиками. Он бы его с радостью снял и заменил на любой другой. Пусть даже на портрет Гимmlера, что, в принципе, было бы разумно, ведь Гимmlер – президент Аненербе. Человек в пенсне хоть и принадлежит к высшим кругам, но не обладает такой бешеной энергетикой. Нельзя! Взгроможденный туда однажды – прошлым начальником – портрет не может быть спущен без уважительных причин. От одной только мысли страх пробирает до костей. Это почти как измена – поменять портрет в условиях системы, где даже неправильный взгляд может расцениваться как зловещий замысел. Что подумают гости, подчиненные? Какие вопросы могут возникнуть у службы безопасности? Не склонный к суеверию и предрассудкам, в данном случае он все же придерживается некоторых ограничений.

В остальном хозяина кабинета ничто не смущает. Комната обставлена со вкусом и без излишеств.

В крышке лакированного стола купаются прощальные солнечные лучи. Человек поднимается с кресла, заводит руки за спину и мягкими шагами двигается к окну. С носа снимаются кругленькие очки. Человек охотно подставляет вечернему свету глаза небесно-голубого оттенка. Через какое-то время взгляд начинает блуждать, осматривая уличный мир с уровня третьего этажа. Напротив – мощеная площадь. Там люди. Они вовлечены в вечернюю суету. Проезжает автомобиль. Часы на башне пробивают девять.

Человек проводит пальцами от подбородка до шеи. «Какого черта?! – слышится внутренний голос. – У меня начинает обвисать второй подбородок как у старика. А ведь всего сорок три». Тихие удары сердца – будто бы шаги приближающейся старости. К горлу подступает страх. В оконном стекле слабо отражается кожа его лица. Солнечный свет делает ее похожей на апельсиновую кожуру. Перед ним результат прожитых лет. Волнение обоснованно: он действительно выглядит старше на десяток лет. В молодости он был настолько привлекательным, что кредит красоты до сих пор не исчерпан; весна жизни упорно бьется с подступающей неэстетичностью. Но мечи уже не столь остры, и противник рядом. «Нужно больше времени проводить на свежем воздухе и активнее, активнее... как раньше! – задумывается он. – Не то проклятые фобии сожрут меня»

Раздается стук в дверь. В кабинет входит секретарша.

– Господин Голдхабер, вам что-нибудь понадобится? – спрашивает она.

– Будь добра, Зельда, приготовь что-нибудь перекусить и ступай домой, – отвечает Лабберт. – Ты и так сегодня порядком задержалась. Муж будет переживать.

– Спасибо за заботу, господин Голдхабер. Но когда требуют обстоятельства, когда в душе слышится зов Отечества, нельзя думать лишь о семье. В такие моменты фюрер служит мне наилучшим примером.

«Какая преданность! – про себя смеется Лабберт. – Весной 45-ого, небось, запоешь по-другому»

– Ты хорошая женщина.

Она улыбается и уходит.

Он распахивает окно, и в кабинет вкрадываются осенние симфонии. Как странно, ведь только вчера в этой стране было лето! Он забывает мимолетный разговор с секретаршей, который так некстати отвлек от размышлений о брэнном.

Облокотившись о широкий подоконник, он вытягивает руки и смотрит на каждую их линию. Изучает изгибы.

«Убегу! – осеняет опасная мысль. – Не на семьдесят лет, а на полтора века! Туда, где передовая медицина, где люди наполовину роботы! Где уже и старость не проблема. Устроюсь в будущем основательно. Мне присвоят новое тело. Оно будет точь в точь таким же, каким было двадцать лет назад. Здесь со мной явно что-то происходит, я неоправданно быстро старею. За три последних года я превратился в старика! Окружающие мне этого не говорят, не хотят показаться грубыми, но я не дурак. Эти морщины, будь они трижды прокляты! Эти спонтанные головокружения. Слабость, которой никогда не было! Список можно продолжать. А спасись я еще могу. Главное, не отдавать устройство! Хм... а если затребуют? Машина времени – серьезное оружие!»

Лабберт поворачивается к портрету Адольфа Гитлера. Этот кабинет – словно плен предсудков. Теперь кажется, будто фюрер каким-то таинственным образом подслушивает предательские мысли.

«Один только Бог знает, как её может использовать партийное руководство. Совершив свое первое путешествие, я, помимо информации, добыл много полезного. «Мерседес» доставили в нужное место. Сегодня ночью его начнут разбирать по винтикам. Инженеры обогатятся опытом на много лет вперед. Различная электроника, тончайшие пластинки с экранами, передающие неслыханную гамму цветов, тоже подлежат тщательному изучению. Какой будет итог, я пока знать не могу. Что теперь произойдет с ходом истории? Собственно, мне и моему отделу и предстоит это выяснить»

День остывает. Красноватое небо дарит городским стеклам окон чарующее волшебство. Замолкают птицы. Расходятся люди.

Лабберт готов отдать многое, чтобы понять фундаментальные законы времени. Ему кажется, будущее можно изменить: шепнуть Вермахту верный план боевых действий, всучить кому надо верные директивы, предостеречь определенных людей от ошибок... Ему пока не известно, что на произошедшее не в силах что-либо повлиять. Природа времени на первый взгляд имеет массу парадоксов и вполне последовательных противоречий, но, как ни странно, само его присутствие в точке пространства исключает любые противоречия. Само его появление влечет за собой элегантность, простоту, и, при наличии определенной базы познаний, изящность в восприятии того, что мы подразумеваем под этим простым словом – «время». В какой-то степени оно монолитно. Оно берет точку исхода в очень давнем, но вполне определенном периоде. Время имеет начало и имеет стремящийся вперед конец; это вечно растущая линия. Линия в многомерном объеме. Вдоль линии допускается возможность движения. Прошлое или будущее – значения не имеет. Разум, будь то человеческий или какой другой, при наличии в нем должных аналитических способностей, вообще скажет, что такого понятия как «прошлое» или «будущее» просто не существует. Оно применяется лишь некоторыми представителями разумных систем для комфортного существования, а также, в какой-то степени, для измерения мощности вычислительных сил в определенный момент. Вероятнее всего, случившееся непоправимо. Но, как и везде, в любом правиле есть отступления. И как все это отразится на будущей Второй мировой войне, известно лишь Творцу.

Лабберт возвращается в кресло. Под ногами рюкзак. Рука тянется к ляжке – поднять на стол. Появляются «новинки» из будущего. Прежде всего – компактный ноутбук. Парочка мобильных телефонов и коммуникаторов. Он не знает, как именовать данные предметы, поэтому раскладывает их в ряд, согласно габаритам – от меньшего к большему. Среди прочего

появляется украденная рация. Он улыбается и вспоминает Иосифа с сорвиголовой-полицейским. Последним достает машину времени. Волнительно осматривает корпус – не светится ли он как под пальцами Иосифа?

– Вот и ты, волшебное устройство! – восклицает он.

«Я ведь обманул этих людей, – размышляет он. – Ложь номер один: оно не было украдено ни из какого спецхрана – мне его предоставили вполне легально, для изучения. Ложь номер два: Тибет ко всему этому не имеет никакого отношения. Его доставили из ледяной Антарктиды...»

То, что происходит в его голове после этих мыслей, можно сопоставить с неожиданным обрушением бури на сонное побережье. Вспомнив то волнение, которое ему совсем недавно пришлось пережить, узнав, что на планете мы давно не одни, лоб покрывается холодной испариной. Путешествия во времени, в его понимании, кажутся более обыденными вещами, чем столкновение с инопланетными цивилизациями. Он не желает думать дальше.

За те несколько дней, проведенных в будущем, он неоднократно видел, как люди пользовались тонкими волшебными устройствами, раскрывающимися подобно книгам. То, что прибор имеет короткое и простое название «ноутбук», ему, разумеется, пока не известно. Руки едва подрагивают, не зная, с какого бока взяться, чтобы начать эксплуатировать электронику. Лабберт вздыхает. Достает из ящика коньяк и ставит бутылку на стол. Стакан становится наполовину полным, а после глотков совершенно пустым. Припрятанные в том же ящике, появляются сигареты. Там же была и пепельница. Рейхсфюрер запрещает офицерам СС курить в рабочее время, поэтому приходится прятать аксессуары курильщика от посторонних глаз. Лабберт машинально взглядывает на часы.

Дым ввергает сознание в минутную слабость, а руки избавляет от вздрагиваний. Однако состояние никотинового спокойствия лживо. Уже через какое-то время обманчивая легкость улетучивается, а на смену приходит еще большее волнение. Тем не менее, он открывает ноутбук и нажимает продолговатую кнопку в верхнем левом углу. Она выглядит обособленно и, как кажется, имеет прямое отношение к функции запуска.

Когда плоский экран вспыхивает радугой цветов, он оживленно наливает очередной стакан.

Перед ним американская операционная система, с различными «окнами» на «рабочем столе», но он понятия не имеет, как это называется, и как этим пользоваться.

Стук в дверь.

– Минуточку!

Он идет к платяному шкафу и снимает парадный мундир. Накрыв им гаджеты, он, делая важное лицо человека, которому лучше не задавать вопросов, разрешает войти. Не хватало, чтобы пошли слухи среди народа.

Зельда ставит тарелку с бутербродами на край стола и недоумевающе глядит на белый мундир, под которым явно что-то спрятано. Её смущает не то, что от нее что-то прячут; она понимает: есть вещи, о которых ей, невзирая на приближенность к руководству, знать не положено. Её шокирует небрежное обращение с государственной формой.

– Все в порядке, Зельда? – говорит он, глядя на её затылок с аккуратно прибранными волосами.

Женщина оборачивается.

– Я не должен оправдываться, но знай: это для твоего же блага...

– Что вы, герр Голдхабер! Я ничего не имею против. Это же ваш мундир, и вы вольны делать с ним что пожелаете. Простите, если смутила своим любопытным взглядом, господин штандартенфюрер!

Ей нравится вся эта военная формальность. Будучи отверженной нацисткой, искренне думающей, что она готова на всё ради режима и партии, Зельда открыто выражает удовлетворение, исполняя приказы и подчиняясь такому важному в Рейхе человеку.

Лабберт, прежде чем взять её на работу, навёл справки. Муж имеет неясные политические взгляды, из-за чего между ними иногда вспыхивают ссоры. Один прецедент имел особое значение: она донесла на него в гестапо за то, что он в порыве гнева ругал действующий режим. Но на его счастье, он имел идеально чистое прошлое и арийскую кровь, и офицеры посчитали правильным дело замять.

«Твоему мужу повезло, что ты такая красивая, – думает он. – Но не повезло относительно твоих убеждений. Представляю, как тяжело любящему мужчине постоянно вступать в подобные конфликты в собственном доме. Это почти как враг, лежащий в собственной постели. Враг, которого любишь, но сомневаешься насчет его любви. Такой противник в сотни раз опаснее!»

– Все хорошо, Зельда, – говорит он. – Ступай домой. Я пробуду здесь еще несколько часов, но за меня не беспокойся. Завтра, вероятно, выйду позже, поэтому и ты можешь провести несколько утренних часов дома.

– Спасибо, штандартенфюрер!

Она покидает кабинет. Лабберт смотрит вслед. С несознательного созерцания женской фигуры взгляд переключается на прислоненный к стене дробовик и валяющийся рядом броунолет. «Совсем позабыл!» – спохватывается он.

2

Солнечный свет давно отложил борьбу до утра. Часы пробивают полночь. Не сразу, и не вдруг, Лабберт, наконец, разбирается с самыми простыми функциями ноутбука. Теперь он умеет включать видео, просматривать изображения и запускать встроенные развлекательные программы. Все равно в будущем веке даже маленький ребенок сумеет больше.

Компьютер не был украден отчаянным эсесовцем из Аненербе, прибывшим в будущее. Он был куплен в магазине электроники, куда Лабберт отправился специально, чтобы прихватить в прошлое как можно больше достижений будущего. Те рейхсмарки, которые он прихватил из своего времени, чуть ли не с руками оторвали фанатики-коллекционеры. Они были рады заплатить за них обычными евро. Продавец спросил, желает ли покупатель, помимо операционной системы, записать на информационный носитель что-либо еще. Лабберт выдвинул не совсем обычную просьбу. Он попросил записать как можно больше кинолент: от научно-популярных, до художественных. Молодой человек улыбнулся и закачал на двухтерабайтный жесткий диск контент одного продвинутого киносайта. Общая длительность видеофайлов получилась гигантской.

На него обрушивается поток информации. Фильмы в высоком разрешении поражают своей глубиной. Он затаивает дыхание, когда натывается на отдельную папку, посвященную Второй мировой войне. Из дисплея, шелестя гусеничными лентами, на него выдвигаются танки будущего-прошлого. В атаку шагают солдаты. Пули их ружей уже свистели однажды, теперь им предстоит свистеть вновь.

«Мне весь этот материал за неделю не пересмотреть!» – прикидывает он.

Спустя час он опустошает бутылку. Съедает отменные бутерброды и выкуривает почти все сигареты. Он так увлекся просмотром фильмов, что даже не удосужился изучить другие, не менее интересные штучки. А ведь они представляют куда больший интерес в военном отношении! Устройство мобильных телефонов может вывести нынешнюю связь на новый уровень.

Во втором часу объявляется его личный адъютант, Хорст. На пороге полутемного кабинета, в котором плавает сигаретный дым, появляется стройный высокий молодой человек.

Хорст не курит. Он морщится, однако делает это так, чтобы штандартенфюрер Лабберт ни в коем случае не уловил недовольства. Все же уважение начальника сложно заслужить и легко потерять. Иногда лучше пожертвовать личными вкусами, дабы угодить руководству. Хорст делает серьезное лицо, на котором можно прочесть заведомую предрасположенность к разговору и искренний интерес.

– Хайль Гитлер! – вытягивается он, вскидывая руку.

– Хайль Гитлер. – Лабберт поднимает покрасневшие от дыма и алкоголя глаза и кивает в сторону стула.

Хорст присаживается, не говоря ни слова. Он твердо выучил правило: если ты пришел не с докладом, а тебя вызвали – молчи и жди, пока не заговорит начальник.

Гауптшарфюрер ждет. На него смотрит черная крышка электронного устройства, из-за которой слышатся реалистичные голоса. Лицо Лабберта мерцает цветным отражением льющихся красок. Хорст воистину удивлен. Через минуту он узнает, что за тонкой перегородкой воспроизводится целый мир, со своими звуками и цветами. Он узнает и будет шокирован. Но потрясение сменит очарование, и этот молодой парень навсегда полюбит науку, привносящую в мир такие волшебные технологии.

– Как дела, Хорст?

– Великолепно, штандартенфюрер! – с заготовленной нотой почтения выдает он. – Прибыл в назначенный час.

– Хорошо, Хорст, я ценю твою исполнительность, несмотря на то, что это прямая обязанность любого человека на службе.

Не отрывая глаз от монитора, Лабберт тянется к бутылке, позабыв, что она пуста. Фыркает и закуривает очередную сигарету. Хорст непроизвольно отклоняется на спинку стула.

– На несколько дней я выпал из курса внешнеполитических дел. Доложи в двух словах, что происходит в стране и мире?

– Война набирает обороты. Со дня на день отпразднуем победу над Польшей. Вы отбыли в ночь на 8 сентября, как раз в тот день наши танки прорвались к Варшаве. Нас встретило серьезное, но не представляющее угрозы сопротивление. На следующий день две польские армии нанесли удар с фланга. Мое личное мнение по этому поводу: сражения продлятся недолго, и вскоре Польша будет под нами.

– Откуда тебе знать, сколько продлится эта война? Не нужно недооценивать противника. Тем более Польша обладает значительными военными ресурсами и многочисленной дисциплинированной армией.

– Безусловно. Но тактика, которую применяет Вермахт, дает ошеломляющие результаты. Мы передвигаемся со скоростью 50 километров в день! – Хорст повышает интонацию и произносит слова на одном дыхании. – Противник не в состоянии концентрировать силы. Они не успевают отдать приказ, не говоря о том, чтобы грамотно продумать стратегию защиты, а мы уже наступаем им на пятки. Поэтому, штандартенфюрер я, пожалуй, при всем уважении, останусь при своем мнении: Польша – очередная страна, которая неминуемо отдаст свою территорию для необходимого нам жизненного пространства!

Лабберт тушит сигарету и улыбается. «Славный малый. Я в тебе не ошибся. Только такие горячие парни мне и нужны. Надоела безвольная размазня»

– Ты приготовил, что я просил?

– Так точно! – приподнимается Хорст. – Два ящика для особых посылок и специальная непромокаемая бумага.

– В машине? Неси.

На полу появляются два деревянных ящика объемом по одному кубическому метру. Края обнесены толстыми брусками, а углы – тонкими жестяными пластинками. Сверху на крышке изображен орел, удерживающий свастику в круглом венце.

Хорст достает рулон специальной бумаги и ждет дальнейших указаний.

– Положи пока. – Лабберт поднимается и идет к ящикам. – Давай-ка аккуратно соберем все в кучу и проведем опись.

3

– Калифорния?! – Хорст читает надпись на задней крышке устройства, внося в формуляр. Его задача состоит в том, чтобы дать краткое описание предмета, завернуть во влагоустойчивую бумагу и передать Лабберту. Тот, в свою очередь, бережно укладывает электронику в ящик.

– Ты не поверишь, Хорст, но Америка в том времени – величайшая сверхдержава! Обширная индустрия, которую они будут иметь, будет создана благодаря... – Лабберт обрывает себя. Сквозь паутину алкоголя, до разума только сейчас доходит: говорить, что война была проиграна, простому, по сути, солдату – нельзя! Лабберт решает пойти на небольшой обман: – Благодаря поддержке со стороны Рейха. После победы на территории североамериканского континента мы организовали колонии. Мы не стали навязывать испорченной расе арийские порядки. Мы ограничили их в воспроизводстве и перемещении. Там они только работают и потихонечку вымирают. И на их место приезжают настоящие люди.

Хорст удовлетворенно кивает. Непьющий и некурящий, сейчас он готов закурить сигарету и выпить по такому случаю стакан шнапса.

– Ты же понимаешь, большего я сказать не могу. Только фюреру я буду докладывать в развернутом виде. – Лабберта окатывает холодом. «Фюреру!» – обеспокоенно думает он. – «Как преподнести информацию о будущем поражении человеку, который при желании может сожрать тебя одним взглядом? Ведь речь идет о полном поражении, политическом крахе и уничтожении идей!»

– Так точно. Большого мне знать не положено. Но герр Голдхабер, я очень рад, что идеи национал-социализма восторжествуют во всем мире! Не зря сейчас погибают наши солдаты. Но, думаю, война будет быстрой. Ведь так?

Лабберт смотрит Хорсту в глаза и гипнотически качает головой.

– Понял! Не смею больше спрашивать.

Инвентаризация достояний будущего заканчивается полтретьего ночи. Лабберт печатывает крышки штемпелем Аненербе.

– Славно, Хорст, – устало произносит он. – Завтра их содержимое разойдется по исследовательским центрам. Пока отнеси всё на первый этаж и запири в одной из комнат.

В этот момент телефон секретаря, стоящий на столе возле входа в кабинет, начинает звонить. Лабберт изнеможенно закатывает глаза, но в следующую же секунду кивает Хорсту. Адъютант понимает, что нужно делать. Он бежит к аппарату и щелкает коммутатором. Телефон начинает звонить в кабинете начальника. Лабберт боком присаживается на столешницу и свешивает ногу. Несмотря на внешнюю расслабленность, разум его сконцентрирован; он осознает, кто может звонить в такое время.

– Штандартенфюрер у аппарата! – с напускной бодростью выпаливает он.

Человек представляется адъютантом рейхсфюрера Генриха Гиммлера.

– Получилось? – деликатно спрашивает голос.

– Более чем, – сдержанно отвечает Лабберт.

– Год?

– Плюс 76.

– Побочные эффекты?

– Допустимы. – Перед глазами Лабберта вспыхивает картина обгоревшего полицейского.

Он смотрит на свое отражение в зеркале. – Но ничтожны.

– Исход?

Лабберт понимает, о чем его спрашивают, но ответить не решается.

– Исход? – повторяет голос. В трубке стоит легкое потрескивание.

– Отрицательный. Глубоко отрицательный.

Лабберт снимает фуражку и кладет на стол. Проходит минута тяжелого молчания обоих собеседников. Адъютант Гиммлера – первый человек, узнавший о неблагоприятном исходе войны.

– Через несколько дней шеф приедет в Мюнхен. Готовьтесь предстать с широким докладом.

– Так точно. В моих руках оказалось много образцов технических приспособлений. Хочу предупредить: завтра я разошлю их в соответствующие институты для изучения.

– Отставить!

– Что?

– Пожалуйста, не проявляйте самодеятельности! Этим не должны заниматься наши институты. Вы же понимаете, куда может докатиться такая информация. – Лабберт как нельзя лучше понимает. Речь здесь идет даже не о людях.

– Куда прикажете их девать?

– До особых распоряжений они должны находиться под вашей ответственностью. Я лично буду докладывать вам о решениях, отданных рейхсфюрером. Но «Объект» должен вернуться к нам уже сегодня, вне всякого сомнения. Я вышлю группу. Утром они будут у вас. Позаботьтесь, чтобы у них не возникло лишних вопросов по поводу груза. Лучше всего запакуйте сразу в несколько ящиков и как следует заколотите.

– Не переживайте, не первый день на службе.

– Вот и отлично.

На другом конце кладут трубку.

– «Самодеятельность»! – зло цедит Лабберт. – Будто я пустое место! Чертова бюрократия... – Случайно выстрелом в висок его пронзает пугающая мысль: «А ведь они могут меня убрать!»

Адъютант, выждав паузу, возвращается в кабинет. Лабберт бросает на него жгучий взгляд. «Самое простое – приказать моему адъютанту застрелить, отравить или арестовать меня. Суда ждать вряд ли придется, а убрать таким способом – наиболее удобный вариант»

– Скажи, Хорст, ты способен по отношению ко мне на предательство?

– Что вы говорите, штандартенфюрер?! Конечно, нет!

– А если тебе будет приказано?

В глазах Хорста скользят противоречивые мысли. Прямой и открытый человек, с ясными убеждениями и сформировавшимся отношением к жизни как к чему-то фундаментальному и нерушимому. Такие, как он, врать не умеют.

– Я слушаюсь приказа! – заявляет он.

Это звучит настолько убедительно, что Лабберт почти верит.

4

Часы бьют три.

«Домой? – сомневается Лабберт. – Зачем? Там нелюбимая женщина. Встретит с грустным лицом, произнесет пустые, шаблонные слова: «Пришел? Еда на столе». Вновь начнется бытовая меланхолия. Не могу так»

Он часто остается на работе и ночует в кабинете. Женщина, которую он любил, покинула этот мир годы тому назад. Дети живут на другом конце Германии с ее родителями. После

смерти любимой он так бы и жил один, ему никого не надо, но офицеру СС не надлежит вести холостяцкую жизнь. Новый брак состоялся для виду, и оба в нем были несчастны.

Из темноты открытого окна в комнату врываются звуки. Лабберт прислушивается. Стучат военные сапоги по каменной мостовой. – «Кто: СС, СА, СД?.. – гадает он. – Или обычные солдаты Вермахта? Хотя какая, к черту, разница? В Германии всего этого стало слишком много, чтобы заострять внимание на подобных различиях...»

Он смотрит на фуражку. С нее столь же пристально поглядывают глаза «мертвой головы». Серебряные Черепа – немые свидетели ужасов, которые учинит немецкая военщина.

Шаги учащаются. К ним добавляются чьи-то еще, но уже не сапожные. Вскрик. Глухие удары. Работают дубинки. Сдавленный стон. Шелест одежд.

Тело волокут по земле. И, как ни в чем не бывало, за окном снова ночная тишина.

Лабберт пожимает плечами.

«Они хотят, чтобы я отдал устройство! – вновь терзают его тревожные мысли. Они усугублены поздним часом; душевная тревога ночью – это не то же самое, что душевная тревога днем. – Утром придёт бригада, и я больше его не увижу. А что это для меня означает? Только то, что больше мне не попасть в будущее! Я сидел над этим устройством много бессонных ночей в попытке разгадать тайну. Мне удалось. Знания в области математики сильно помогли. Но теперь, когда я побывал в будущем, увидел то, чего, наверное, видеть не должен был, мне грозит опасность. Возможно, маленький человечек в смешном пенсне не захочет расстраивать своего фюрера информацией о неминуемом поражении и личном предательстве, когда его секретные переговоры с западом были раскрыты, и прикажет позабыть о секретном проекте и уничтожить всех, кто в нем состоял. Я первый попаду под замес!»

Лабберту почему-то вспоминается Эрнст Рем, та июньская «Ночь длинных ножей» и горы расстрелянных.

«Гиммлер – циник. Он не пожалел своего друга – не пожалеет и всех остальных. Радует пока одно: даже забрав у меня машину времени, они не смогут с ней разобраться. Но пройдет какой-то срок, и методом проб и ошибок они, безусловно, ее разгадают. Из этого следует, что, возможно, у меня будет запас времени»

Острая головная боль вдруг сковывает череп в кольцо.

«Боже мой, что это? Похмелье? Никогда оно не сопровождалось такой болью»

Он встает и, шоркая сапогами, идет к окну в надежде, что свежий воздух спасет.

Боль спускается к груди. Ему впервые за себя поистине страшно.

– Сапоги... Проклятые сапоги! – Он сдергивает с себя тяжелую солдатскую обувь и от изнеможения падает на пол.

Небольшой угол обзора, снизу вверх, позволяет видеть звезды.

Лабберт тщетно пытается встать. Нужно кому-нибудь сообщить! При сердечном приступе очень важно находиться под присмотром.

В него никогда не стреляли. Мировую войну 1914 года удалось пройти без ранений. Но сейчас в него словно выстрелили. Все тело скованно болью, он ощущает каждое нервное окончание.

«Паника ни к чему, – думает он, теряя сознание. – Встречу последнюю минуту с достоинством... К тому же здесь такой чудесный вид. Не каждому суждено умереть, взглядываясь в глубокое звездное небо...»

5

Спустя почти час, он приходит в себя. За окном гудит мрачная ночь. Боль отступила. Он поднимается, держась одной рукой за подоконник. Вдруг что-то большое и серое шарахается, взмахивает крыльями и улетает прочь в открытое окно. Это филин. Большой серый филин,

что живет где-то по соседству, на одном из здешних чердаков. Оказывается, все это время он сидел здесь.

– Нечистая сила, он мог выклевать мне глаза! – кричит Лабберт.

«Что вообще со мной приключилось? Сколько себя помню, ни разу не терял сознание. Алкоголь? Ну, нет. Бывало, пил и похлеще. Тогда что же?»

На пути к зеркалу спотыкается о разбросанные сапоги. Зажигает маленькую лампу и долго всматривается в свое отражение. Перед ним человек, которого он привык видеть. Но в облике что-то настораживает. Какая-то незначительная деталь.

Лабберт слышит, как в голове бушует кровь. Страх.

«Мать моя! Коньяк здесь ни при чем. Я болен!»

Глава 5

1

Проселочные дороги, пыльные тропки, поле и лес. Две фигуры пробираются в темноте. Ночь – лучший маскировщик; их спины фактически сливаются с природным ландшафтом.

– Как думаешь, в этих лесах есть опасные звери? – спрашивает Лотар.

– Думаю, после обезвреженного грузовика с вооруженными штурмовиками, нам вряд ли может угрожать зверь, – отзывается Иосиф. – В крайнем случае, ты его пристрелишь.

– Никогда не убивал животных. Охоту без необходимости обеспечить пропитание президент. Я убивал людей. Людей, которые могли убить меня. Но нажать на курок, держа на прицеле невинное существо, выше моих сил.

Иосиф мысленно соглашается. Он разделяет такую позицию.

В километре от них, за ближайшим полем и узкой полоской леса, брезжит свет неясного происхождения. Лотар прикладывает ладонь к пистолету и останавливается. Направленные лучи разделяются надвое и начинают мелькать по стволам деревьев.

– Это что? – шепчет Лотар.

– Фонарики.

Эхом нависает собачий лай.

– Вот дьявол! За нами всё еще идут!

В тридцати шагах слева журчит река. Лотар специально держался возле водной полосы, чтобы иметь ориентир и гарантированно свободный от нападения фланг.

– Бежим!

Пробравшись через заросли кустарников, они выходят на каменистый берег.

– Раздеваемся! – командует Лотар.

– Плыть?

– Брод! Чтобы собаки потеряли след, нужно перейти водную преграду. Иначе за нами будут следовать до самого Мюнхена.

Иосиф подбегает к воде и окунает пальцы.

– Она же ледяная!

– Если боишься заморозить зад, оставь его здесь, на корм псам!

– Трудно что-либо противопоставить данному аргументу! – говорит Иосиф, расстегивая пуговицы.

Они ступают в сентябрьские воды Изара. Им повезло: река, берущая начало в австрийских Альпах именно в этом месте узка и неглубока. Они преодолевают брод, едва намочив бедра.

– Ты уверен, что на этой стороне нас не настигнут другие отряды? – спрашивает Иосиф, стуча челюстями.

Ветерок быстро сушит кожу. Они синхронно оборачиваются и всматриваются в гущу кустов на противоположном берегу. Глаза давно адаптировались к темноте, но это помогает только вблизи. Они поспешно одеваются.

– Вообще-то нет. Зато уверен: останься мы на той, нас бы вскоре догнали.

– Что теперь?

– Продолжаем путь. Судя по карте, до Мюнхена остается около двадцати километров.

– Тебя не смущает, что мы добровольно засовываем голову в осиное гнездо? Нам трудно укрыться в безлюдной местности, чего говорить о городе. Как ты это представляешь?

– Вряд ли у нас вообще есть выбор, Йозеф. До сих пор не могу понять, как произошло перемещение во времени? Неубедительный рассказ о тибетских штучках не удовлетворил. Но меня это пока не волнует. Я серьезно. Я знаю одно: каким бы удивительным всё ни казалось, мне нужно домой, к жене и ребенку. – Лицо Лотара подчеркивает серьезность произносимых им слов. – Случившееся можно принять за сказку. Волшебную и увлекательную историю. Двое перемещаются в прошлое, в эпоху глобальных перемен. На их пути встречаются самые настоящие люди, которые однажды жили. Нам обоим не по девяности. Мы молоды, сильны и кое в чем умны. Как типичные герои. Я боец, ты явно мозг. Это случайность или кто-то за этим стоит? Не знаю, но не исключаю. В любом случае, реальность берет свое. Если я не вернусь, через несколько недель моя семья останется без средств существования. Жена начнет получать пособие по отсутствию кормильца только когда меня официально признают мертвым. А это не раньше, чем через полгода. Мой полуторагодовалый мальчуган будет расти без отца. Жизнь есть жизнь. В ней всё не так гладко, как на бумаге. Задавать вопросы я буду только когда вернусь назад. Сейчас я должен действовать.

Иосиф соглашается с мнением Лотара. Здесь даже излишни такие подробные объяснения. Он понимает: товарищу нельзя оставаться. Впрочем, солидарность переламяется ровно в том месте, где начинается интерес. Иосиф, в отличие от Лотара, не имеет твердой позиции и не знает, хочет вернуться домой или остаться. Дожить до преклонных лет и встретить здесь старость – конечно же, нет. Но месяц, год – с удовольствием!

– Поэтому да, мы суем голову туда, куда разумный человек совать не станет, – продолжает Лотар. – Кто-то скажет, мы рехнулись: во времена процветания нацизма отправляться в логово этого самого нацизма. Без четкого плана. Без знания социальных тонкостей столетия. Но, невзирая на безумие, это единственный верный путь. Отыскать беглеца Лабберта по горячим следам эффективнее, чем выжидать, а потом хвататься за надрезанные нити.

«В последний момент я могу запротестовать и остаться!..» – думает Иосиф и тут же ужасается мимолетному желанию.

Вдоль реки пролегает шоссе. Скоро рассвет. Нужно срочно добраться хотя бы до пригорода: днем на открытой местности они будут как на ладони.

– Слышишь? – спрашивает Лотар, приостановившись.

– Мотор! Прячемся?

Из-под пригорка мягко вырастает шапка света.

– Нет. Подыграй мне.

Машина несется на высокой скорости. Покрышки гудят по асфальту.

– А если СС? – тревожится Иосиф.

– А если СС, – улыбается Лотар и засовывает пальцы в карман, – то я снесу им головы прежде, чем они что-то заподозрят.

Он становится по стойке смирно и вскидывает руку в нацистском приветствии. Иосиф нервно потирает сухой лоб и повторяет.

– Как глупо... Не помню, когда чувствовал себя нелепее, чем сейчас, – ворчит он.

Обороты двигателя спадают.

Водитель пытается разглядеть в ночной темноте два силуэта и обращается к своей спутнице:

– Смотри-ка, какие-то шуты!

Молодая особа в шляпке улыбается сквозь аромат сигаретного дыма.

– Заблудившиеся любители Гитлера. Как говорила одна знакомая, до того, как ее упекли в лагерь, «повстречать нациста в поздний час – плохая примета, сулящая неприятности, которая, в отличие от других примет, сбывается с поразительной точностью»

– Смотри, как тянут руку. Видимо, сами попали в неприятности.

Машина проносится в сантиметре от брюк Лотара и останавливается, едва заканчивается капот и начинаются стекла. Женщина продолжает смотреть вперед, будто не хочет никого замечать. Водитель наклоняет голову. На детском лице – тоненькие завивающиеся усики, за свою комичность заслуживающие анекдота.

– Что стряслось?

– Мы разыскиваем беглых преступников. Наш отряд подвергся нападению, мы остались без машины. Требуем подвезти. – Лотар произносит слова с надменностью настоящего жандарма. Иосиф же сосредоточивается и отлично играет роль верного напарника. Он замирает позади и сотворяет настолько серьезную мину, что уголки его губ начинают подрагивать от чрезмерного напряжения.

– Мы едем в Мюнхен, – сообщает мужчина, колыша усиками.

– Он нам и нужен.

2

Небо розовеет. С восточной стороны купола пропадают звезды. Воздух свеж и чарует сельскими запахами. Даже в черте города пахнет землей и сеном. Машина везет их до тех пор, пока вдоль дороги не начинают вырастать полноценные городские дома, а не маленькие пригородные домики. Лотар приказывает водителю остановиться.

Иосиф и Лотар встречаются с тихой улочкой Мюнхена 1939 года. Без промедления водитель раскручивает двигатель до высоких оборотов и отпускает сцепление. Мужчина с усиками и его спутница всё поняли правильно и не стали ни о чем спрашивать. Чужие проблемы есть чужие проблемы.

– Нам крупно повезло, – говорит Иосиф. – Они не пойдут в гестапо, чтобы сообщить о странных попутчиках. Они принадлежат к классу молодых оппозиционеров. Пассивных оппозиционеров, которые всегда искренне против любых диктатур, но одновременно не пошевелият и пальцем, чтобы что-то исправить.

– Согласен. Они не нацисты, и Гитлер со своим тысячелетним Рейхом им даром не нужен. Возможно, эту парочку где-то через полгода отправят в концлагерь.

Храбрый дуэт пробирается внутрь города, держась поближе к домам. Жители пробуждаются. Ставни некоторых окон, скрипя, распахиваются. За ними обнаруживаются сонные, но энергичные лица. Кругом слышится негромкая речь, кашель прохожих и отдаленный голос радиоведущего утренних новостей.

При солнечном свете зеленая форма защитной полиции резко выделяется среди одеяний других людей и, несмотря на милитаризм Германии, кажется до дикости инородной. Они сворачивают за угол и выбрасывают куртки, оставаясь в простых бежевых рубашках. Таким образом, их внешний вид значительно меньше бросается в глаза просыпающихся прохожих.

– Почти как коричневорубашечники! – смеется Иосиф.

Люди встречают их изучающими, но почти ничего не значащими взглядами. Мало ли что за подразделение носит зеленые брюки и бежевые рубахи.

Оружие Лотар несет в сложенной напополам газете.

Дойдя до ближайшей площади, они останавливаются, заметив на другом конце полицейских. Блюстители порядка увлечены разговором между собой.

Лотар закрывает глаза и запрокидывает голову. Ноздри жадно вдыхают. Он передает Иосифу свернутую газету, а сам вздымает руки как при выполнении утренней разминки.

Иосиф нервничает:

– Не время для выкрутасов.

Но едва он произносит, как его самого прижимает чем-то неподъемным. Очень сильные чувства охватывают тело, душу и разум. Плоть, от кончиков пальцев до темечка, становится

легкой, почти невесомой, будто он уже не человек, или человек, но перешедший на другую ступень. Иосиф закрывает глаза, затем вновь открывает: эта улица, дом, люди оказывают фантастическое воздействие!

«Время... Боже мой, это – время!» – думают они одновременно.

Они чувствуют вихрь, ураган, порывы, их закрутившие. Это смерч, отбросивший два корабля на морские рифы. Каждый них шел своим курсом, тем не менее, судьбе стало угодно, и они оказались здесь. Оба не ведают: круговорот только начался...

Иосиф видит: полицейские выдвигаются навстречу.

– Время чудес кончено, – шепотом предупреждает Иосиф.

– Впервые за много лет на меня снизошла эйфория! – говорит Лотар. Возшедшее солнце смотрит через узкий промежуток между домами. Их лбы отражают свет нового дня.

– Уважаемые! Из какой вы организации? Предъявите паспорта или прочие имеющиеся документы.

– Вам следует отыскать тех, кто их у нас украл! – заявляет Иосиф, шагая вперед.

– Что? Как это?

– Так! Проклятые подпольщики-коммунисты! Они забрали наши куртки, в которых находились удостоверения и паспорта.

– Из какой вы службы?

– Военная почта.

– Еще раз, не понял?

– Зачем мне кричать название секретного ведомства на всю улицу?

– Предлагаете пройти к нам?

– Предлагаю не задавать вопросов!

Полицейский смущен: в стране объявлено военное положение, а по его городу разгуливают какие-то люди в неизвестной форме.

– Все же я настаиваю. Там и напишете заявление. За конфиденциальность могу поручиться.

Вмешивается Лотар:

– У нас, черт подери, задание! Идти к вам – значит потерять время, и значит всё провалить!

Полицейский кивает напарнику:

– Оставь их...

– «Оставь их?!» – раздается возмущенный голос некоего субъекта, вышагивающего из-за угла. На нем картинные пальто и шляпа. Настоящий штампованный агент-разведчик. Он неодобрительно смотрит на полицейских. – Этих господ нельзя оставлять. Они убили троих сотрудников гестапо и нескольких штурмовиков!

С разных сторон подходят еще трое. Их внешний вид словно срисован с одного шаблона.

– Бежим? – шепчет Иосиф.

– Бежим, – отвечает Лотар.

Наблюдающие за сценой мирные жители не удивлены: в Германии постоянно кто-нибудь убегает. Они делают вид, будто пытаются перекрыть беглецам дорогу, но в последний момент незаметно подмигивают и расступаются. Агенты тайной полиции грозят кулаками.

– Что будем делать? – спрашивает Иосиф. Он пытается не отставать. Это у него с трудом получается. Военная подготовка Лотара в который раз дает о себе знать.

– Ты не поверишь, я не знаю! Может, у тебя есть предложения?

Иосиф размышляет. В условиях физической нагрузки мозг отказывается генерировать четкие идеи.

– Меня должны поймать!

– Не понял?

– Я отвлеку погоню на себя, – жадно насыщая легкие кислородом, поясняет Иосиф. – Пусть меня схватят. Ты беги и прячься. Разыщешь Лабберта, потом придумаешь, как вытащить меня... или плевать, возвращайся к семье. Я останусь. Мне нечего делать в том времени.

– Пистолет. Отдай мне пистолет.

Иосиф на бегу протягивает газетный сверток. Он не чувствует под собой ног.

– Хорошо. Ты сам знаешь, что делать! – говорит Лотар, сбавляя темп. – Беги! И сделай точно так, как говорил. Беги же!

Иосиф продолжает бежать во весь опор, не оглядываясь. Словно за ним щелкают щупальца морского чудовища. Он надеется услышать выстрелы, произведенные Лотаром – пять или шесть спасительных хлопков, которыми он уничтожит погоню – но их нет.

Иосиф бежит по фруктовому саду. Листья на ветках зеленые, но пыльные и сухие. Прикрывая ладонью глаза, он минует естественные препятствия и, перескочив заборчик, оказывается на другой улице. Петляет. Постоянно сворачивает. Но четко держит направление, чтобы не бегать кругами.

Очередной переулочек заканчивается тупиком. Кто-то поставил здесь забор. Иосиф мечется. Обратного нет. Он жмет к стене и садится на корточки.

«Все кончено! Теперь не уйти»

Иосиф закрывает глаза и совершенно неожиданно чувствует, как проваливается назад. Тогда, в открытом поле, под огнем винтовок, ему не удалось вжаться в землю, а здесь получилось... в стену. Радостно исчезнуть с ненавистной улицы, где по следам идут убийцы и палачи. Правда, магия здесь ни при чем: чьи-то руки хватают его за плечи, и в следующую секунду он оказывается в помещении.

Иосиф не может понять, отчего у него трясутся ноги. От многокилометровых прогулок по пересеченной местности или от страха?

– Залезай в подвал! – опасно приказывает чей-то голос. Лица Иосиф разглядеть не может, в помещении полумрак. Судя по голосу – зрелый мужчина.

Рядом открывается дверь, и в образовавшемся прямоугольнике появляется второй человек.

– Ему нельзя в подвал! – он говорит, будто разжевывает простые истины. – Если шпики заявятся – это первое, куда они заглянут. На чердак его, живо!

Узкая лестница, люк, пыльный пол, куча хламья. Иосиф не успевает опомниться, как на него накидывают какие-то старые тряпки и приказывают не высовываться.

3

Проходит час. Чердак как духовка. Иосиф мокрый от пота. Через межэтажные перекрытия он слышит, как в дом заходят какие-то люди. Говорят тихо, слов разобрать невозможно. Это может быть кто угодно. Освободив небольшое отверстие, чтобы в импровизированное укрытие поступал кислород, он решает ждать, пока всё не уляжется, и за ним не вернутся.

Узкое оконце откладывает квадрат солнечного света. Когда Иосиф оказался на чердаке, квадрат был еще на полу. Он много часов следит за его перемещением. Несколько раз засыпает. Просыпается, вытирает с лица соленый пот и вновь проваливается в послестрессовую дремоту. Ему снятся странные сны. Между тем, солнечный квадрат, проделав дугу, поднимается выше, переходит в другой чердачный угол и багровеет.

Без лишнего шума скинув с себя тряпки, одну за другой, он освобождается из душного матерчатого плена. На цыпочках подбирается к окну. Стекло грязное, в маслянистых разводах и пыли. На небольшом выступе ковром валяются засохшие насекомые. За этим кусочком стекла простираются крыши других домов, тонущие в солнечном свете. Очертания одной из них доступны для почти детального осмотра: соседний дом стоит немного наискосок, не более

чем в десяти шагах. Он двухэтажный, с точно таким же чердаком. Крыша в темно-коричневой черепице. На втором этаже открыты окна. Иосиф пальцем протирает на стекле маленькую точку и прищуривает глаз.

Там стоит стол, покрытый белой скатертью, ваза с цветами и пианино. На стене портрет, но Иосиф не может определить изображенную на нем личность. К столу подходит молодая женщина. На ней что-то летнее, светлое и легкое. Она наклоняется к цветам и вдыхает их ароматы. Иосифу кажется, что пыльное пространство, в котором он очутился, тоже наполнилось цветочными запахами. Она садится за пианино и начинает играть. Инструмент чуточку расстроен, но это делает звуки только прекрасней.

Иосиф уносится, подхваченный мыслями и мечтами. Он не замечает, как открывается люк.

– Вот еда. – Мужчина протягивает Иосифу тарелку с двумя картофелинами и селедкой. – Когда стемнеет, я приду, и ты сможешь прогуляться.

– А сейчас?

– Сейчас повсюду шныряют полицейские в штатском. Уйти, не подставив нас, ты не сможешь.

Иосиф жует вареный картофель.

– И что можно было такого натворить, что за тобой стал гоняться весь город? – спрашивает мужчина с любопытно-надменной интонацией. Глаза его при этом пылают уважением.

– Мелочи. – Иосиф проглатывает картофель и отмахивается.

– Мелочи?! Я ломаю голову, кого поставить в пример. Вот уж не помню, чтобы так за кем-то охотились!

4

Лабберт сидит за столом с красными как мак глазами. Дом ему не мил, и всю оставшуюся ночь он провел в кабинете. Когда коньяк и сигареты закончились, в ход шел крепкий чай. Он выпил подряд несколько кружек, чтобы сбить никотиновую зависимость выполнением схожих с курением действий. Теперь от всего этого у него болит голова. События двух прошедших суток кашей смешиваются в сознании. Мозг работает с перебоями, и порой Лабберту кажется, что он еще в будущем. На протяжении нескончаемой ночи его посещали галлюцинации. Несколько раз боковым зрением он отчетливо видел Иосифа. Тот шел к нему, но в последний момент растворялся. Потом возникал Лотар, увешанный всеми видами оружия. Он размахивал руками и угрожал. Тогда Лабберт схватил со стола полную окурков пепельницу и швырнул в фантом.

Утро. Часы показывают семь. Он окидывает кабинет туманным взглядом, пытается приподняться, но локти разъезжаются, и голова больно ударяется о плоскость столешницы. Это не очередной сердечный приступ и не обморок. Лабберт спит. Организм перенапрягся и активировал защитный механизм.

5

– Господин штандартенфюрер. – Зельда подходит к столу. В дверях стоят двое. Один из них имеет равное с Лаббертом звание СС.

– Герр Голдхабер, проснитесь! – Зельде становится тревожно. Она видит пустую бутылку из-под коньяка и разбросанные по полу окурки.

Один эсесовец делает несколько шагов по кабинету и кривит рот от такого пьяного безобразия.

Лабберт издает звуки, похожие на бессознательное бормотание. Слова неразборчивы, но получается вроде «Идите отсюда! Еще не время...»

Человек в форме хмыкает.

– Приведите своего шефа в порядок, мы подождем в приемной.

С минуту Зельда суетится вокруг лежащего головой на столе Лабберта, пока на ум не приходит идея смочить ватку нашатырным спиртом.

Резкий запах аммиака помпой выдавливает сознание из состояния, которое можно охарактеризовать как глубочайший сон на фоне крайней усталости.

Лабберт открывает глаза и, прикрыв ладонью рот, наклоняется под стол.

Его рвет. Прозрачная горькая жидкость, исторгаемая желудком, заливает пол. Зельда бежит к графину с водой и несет, не забыв захватить стакан.

– Х-у-х, – резко выдыхает Лабберт. – Ничего себе! Зельда, со мной такого никогда не было. Говорят, чем старше становится человек, тем сложнее он переносит алкоголь. Некоторое время назад я бы посмеялся над этим. Теперь согласен. Ночью я терял сознание, и после того, как очнулся, мне в голову пришла странная мысль, будто виной всему симптомы какой-то болезни.

– Возможно, – говорит она, стирая носовым платком капельки рвоты с его мундира. – Вы еще очень молоды. И уж извините, но питье и так никому здоровья не прибавляет. Наш фюрер уже много лет держится, не пьет и не курит. В свои пятьдесят он выглядит всего лишь на тридцать. – В этот момент они встречаются глазами. Она знает: Лабберт младше фюрера на целых семь лет, но кажется совсем наоборот.

– Фюрер – эталон. Не все могут быть такими. – Он встает с кресла, залпом выпивает второй стакан воды и глядит на дверь. – Кажется, в приемной кто-то есть?

– Там два офицера от рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

– Что?! Давно? – Он взглядывает на часы: без десяти одиннадцать.

– Их автомобиль подъехал вслед за мной, а я здесь чуть более пяти минут.

Лабберт замечает, что на ногах отсутствуют сапоги, и смотрит по сторонам. Зельда чутко улавливает его взгляд, подбирает тяжелую обувь и ставит перед ним.

– Я хочу, чтобы вы сделали мне суровый выговор, герр Голдхабер, – тоном провинившегося человека говорит она.

– Это еще зачем?

– Я не хотела пускать сюда офицеров, но они зашли. Они твердили, что дело очень важное, и видеть вас необходимо сию же минуту. Я не осмелилась встать на пути у таких серьезных людей.

– Собственно говоря, и что здесь такого?

Зельда смотрит на бутылку и окурки.

Лабберт прослеживает за её взглядом.

– У нас, офицеров, свое отношение ко всему этому, – смеется он.

Четыре часа сна после нескольких суток суматошного бодрствования – недостаточно и для человека здорового. Но Лабберт чувствует себя отдохнувшим. Все-таки есть в человеке дополнительные резервы!

– Зельда, приготовь господам кофе и попроси подождать ровно пятнадцать минут.

С этими словами он покидает кабинет через другую, тайную дверь и направляется в ванную комнату.

Гладко выбритый, пахнувший кельнской водой, при полном обмундировании полковника СС, ни на секунду не опоздавший, перед высокими гостями из Центра появляется Лабберт.

– Хайль Гитлер! – вскидывают руки эсесовцы.

Лабберт – само дружелюбие – расстillaется улыбкой. Гости удивлены. Они ожидали увидеть неопрятного субъекта с небритыми щеками, в перекошенном кителе, с запахом перегара.

Они поверить не могут, что перед ними тот же человек, который четвертью часа ранее в полном беспорядке среди бутылок и сигаретного пепла спал на столе и бормотал под нос неприличные выражения. Оба смотрят с чувством товарищеского уважения. Старший офицер искренне улыбается. При случае он хотел намекнуть, что негоже пить на таком ответственном посту, но теперь решил этого не делать. Своим умением преобразаться вчерашний пьяница всех подкупил.

– Господа, прошу ко мне в кабинет, – говорит Лабберт.

– К сожалению, на это нет времени.

– Как же? Я должен передать вам объект и получить инструкции для дальнейшей работы. Эсесовцы переглядываются.

– Все изменилось. Теперь у нас задание другого характера. Вы должны взять объект и отправиться с нами. Самолет ждет на аэродроме.

– Куда я лечу?

– Скорее всего, в Берлин. Точное место мы согласуем перед вылетом со штабом фюрера.

– Фюрера? Вы же сказали, я буду докладывать рейхсфюреру?

– Теперь этим заинтересовался лично Гитлер.

Случилось то, чего Лабберт не хотел больше всего. Нет, личный контакт с Гитлером его не пугает. Ему три раза доводилось видеть этого человека на различных собраниях и один раз – лично вести недолгий разговор. Правда, при этом присутствовали Гиммлер, Геббельс и Геринг. Предстоящая встреча будет напряженной. Придется общаться с глазу на глаз.

«Плевать, – думает он. – Держать себя в руках я умею»

6

Полуподвальное помещение. Спертый воздух, от которого становится тяжело в груди. По тусклому свету из закопченного оконца на уровне потолка трудно судить, утро сейчас, день или вечер.

– Проклятые, несчастные уроды! – Недолгая пауза. – Скоты, свиньи, ублюдки! – Это ругается привязанный к стулу Лотар. Из носа течет кровь. Разбита губа.

– Я прямо не знаю, что делать с этим непрошибаемым, – сдавленным голосом говорит агент тайной полиции своему товарищу, едва они выходят за дверь. – Второй час дубасим, всё без толку.

– А какую историю выдумал, а?! Враньё – высший класс! Я на этой службе практически с первых дней её существования, но такое слышу впервые. «Я прибыл из будущего с вашим чертовым ублюдком-нацистом!». Каким нацистом? Имени не называет...

– Про своего поделника тоже петь не желает. Жаль, ему удалось скрыться. Хотелось изловить сразу две рыбки.

– Его ищут. На улицах наши люди. Дома обыскивают. Он выиграл немного времени и куда-то подевался. Но конечный результат будет один: сегодня или завтра его непременно поймают. Он будет сидеть в этом кабинете. Тогда можно устроить между ними очную ставку.

Агент хочет вернуться к допросу, но второй берет его за рукав и, легонько подтягивая за собой, жестом предлагает прогуляться по коридору.

– Я тут подумал... Тебе не кажется, что мы имеем дело с чем-то странным? Ведь какими профессионалами нужно быть, чтобы вдвоем отправить на тот свет столько вооруженных людей?

– Что говорить, мысли есть всякие... Сильно смущает оружие. С виду – обычный пистолет, но подобный образец вижу впервые. Гравировка гласит: произведено оружейной фирмой «Вальтер». Там же, где и наши с тобой, служебные. Если бы не девятимиллиметровые патроны парабеллум, можно подумать, что оружие действительно из будущего. Уж как-то слишком

необычно выглядит корпус. Серийные номера я передал экспертам, но чую, результатов это не даст.

– Мы можем либо гадать, либо выбить из него необходимую правду. Применим особые методы воздействия. Неси воду, щипцы и молоток.

У гестаповца загораются глаза, он кивает.

7

Демпферная система шасси Ю-52 примитивна. Тело Лабберта подвергается встряске. Как же он ненавидит взлеты и посадки с грунтовых аэродромов! Как радуется, когда выполняя очередной перелет, предоставляется возможность воспользоваться асфальтированной полосой! Все же с неприятными ощущениями, которые длятся не более двух минут, можно смириться ради самого полета. В прошлом году его рабочее время было перенасыщено воздушными перемещениями, и он настолько полюбил небо, насколько может полюбить небо существо, обладающее неумной фантазией, колоссальными амбициями, но по природной случайности не имеющее крыльев.

Ю-52 способен быть человеку крыльями. Пусть не настолько гибкими, как у птицы, пусть где-то неуклюжими и даже хрупкими. Но это только начало. Эпоха младенчества авиации была во времена братьев Райт, сейчас это уже крепкие подростки, которым только предстоит пройти путь и стать настоящими мужчинами.

Напротив сидит адъютант Хорст. Лабберт уважает этого молодого человека за постоянную готовность отправиться в путь. Как только стало известно, что нужно лететь, секретарша тут же ему позвонила. И, несмотря на то, что накануне ночью Хорсту пришлось описывать электронику и не спать до пяти утра, он примчался к самолету раньше своего начальника.

Хорст Гопп. Двадцативосьмилетний высокий голубоглазый брюнет. Он относится к поколению молодых людей, искренне жалеющих, что не родились 15-20-ю годами ранее и не попали на поля Мировой войны. К поколению, которое полагает, будь оно на месте своих отцов, война была бы выиграна. Полагает без преувеличения, положила руку на сердце. Но пушки той войны уже отстреляли. Началась новая война, в разы более смертоносная и невообразимо ужасная. Жажда боя скоро будет утолена пейзажами разрушенных городов, вскрытыми брюшными полостями, неумолкающими криками в госпиталях и падающими в круглосуточном режиме авиационными бомбами. В мире будет очень мало тех, кого не затронет война.

Юнкерс неспешно набирает высоту. За прямоугольным окошком самолета появляются облака. Перелет от Мюнхена до Берлина займет 2 часа 48 минут. Лабберт прижимает портфель, в котором нет ничего, кроме личных документов, прихваченной из будущего шариковой ручки и самого главного: «Объекта X».

«А что если каким-то образом устройство сработает прямо сейчас? – опасается Лабберт. – Придется сажать эту консервную банку среди звездолетов будущего?»

8

Полет завершается на юго-востоке Берлина в аэропорту Темпельхоф.

Полоса занята, и пилоту приходится идти на дополнительный круг в зоне ожидания. Самолет накрывается, открывая тем самым хороший обзор. Лабберт смотрит вниз. Когда-то это был даже не аэродром. Здесь было поле, на котором в 1914-м ему и его товарищам приходилось обрабатывать строевой шаг. Под офицерский рев, отбивая ноги, он встречал восемнадцатилетних. Потом пересылка на фронт. Боевое крещение. Потеря товарищей. Ему до сих пор не понятно, как за четыре года сражений посчастливилось остаться без ранений. Это при том, что он не отсиживался в блиндажах и не прятался за спинами. Все, кого он знал, так

или иначе получили хотя бы осколок. Всего раз пуля чуть не забрала его жизнь. В «вечерней тишине»; так они с товарищами называли артиллерийскую стрельбу, огонь которой бомбил чужие позиции где-то на горизонте и не доставлял неудобств им самим, они пытались занять себя игрой в карты. В какой-то момент Лабберту надоело играть, он поднялся и, поскольку по данным разведки нападения на сегодня не планировалось, пошел спать. Краешек солнца еще висел над полем, и каска дала блик. Вражеский снайпер сработал молниеносно. В тот момент, когда Лабберт подумал, а не пройти ли оставшееся расстояние на полусогнутых, каска слетела с его головы и с дешевым кастрюльным звуком шмякнулась о противоположную стену окопа. Он провел ладонью по коротким волосам, почувствовал кровь и потерял сознание. Ей-богу, падая на холодную землю, он даже не успел испугаться. Только спустя некоторое время, когда он вертел в руках испорченное средство индивидуальной защиты и разглядывал дыру, на него накатывал ужас. Еще миллиметр – и пуля расколола бы череп. Волосы на этом крошечном участке не растут до сих пор.

Лабберт вспоминает поименно тех, с кем был на той войне. Вот они, все здесь. Даже те, кто умер. Оживая в памяти, их тени несут с собой горечь. Но почему они так надрывно смеются? Смеются, отчего-то закрыв глаза. Такое происходит, когда изо всех сил стараются сдержать слезы. А может, это не смех, а насмешка? Насмешка над теми, кто не усвоил урок?

Хорст с интересом наблюдает за тонкой мимикой лица начальника. Лабберт, в свою очередь, фокусирует взгляд на лице любопытного Хорста.

«Где же ты будешь, когда окончится эта война? – мысленно спрашивает Лабберт. – С миллионами других прахом останешься на чужих полях, или в бегстве и беславии проведешь последние годы?»

Хорст многозначительно улыбается, словно услышав его мысли.

9

Иосиф бродит из одного чердачного угла в другой. Перестав обращать внимание на совершаемые действия, он уже не слышит, что его шаги гулким маршем отдаются на нижних этажах. Его беспокоит участь Лотара. Теперь он жалеет, что вместо того, чтобы разделить судьбу пойманных в кабинете гестапо, обоюдно принимая удар, он целый день прохлаждается на каком-то чердаке.

Люк приподнимается. Появляется лоб и прямоугольные стекла очков в тонкой оправе.

– Эй! Чего топаешь? – бешеным шепотом сокрушается человек.

– Уже стемнело. Хочу выйти.

– Успеешь. Только вот сейчас мимо дверей прошли двое, оглядывались. Посидишь ночку, а завтра выйдешь.

– Ну, нет!

– Да что с тобой, в самом деле? Мы тебе жизнь спасаем, а ты так и лезешь в пекло!

– Я благодарен. Но друг в беде.

– Найдешь своего друга. Сиди и не трепыхайся. – Люк осторожно опускается.

Иосиф подскакивает и вставляет в оставшуюся щель кончик ботинка.

– Ты чего?

– Я должен идти! Ваша забота поможет мне сейчас, но дорого обойдется в будущем.

Мужчина приоткрывает люк и безрадостно смотрит снизу вверх.

– Хорошо, спускайся.

В доме пахнет свежим печеньем, кофе и медом. Иосиф идет следом за человеком, и вот перед ними первый этаж. Легкий беспорядок здесь давно перерос в откровенный бардак. Много вещей. Комоды, тумбочки и стулья завалены всевозможным тряпьем. Дверцы некото-

рых не закрываются по той же причине. Но Иосифу сразу становятся ясны мотивы этой бытовой энтропии: он замечает швейную машинку. Этот беспорядок – творческий.

– Мы с братом занимаемся швейным делом, – объясняет мужчина. – Точнее, брат помогает, занимаюсь, в основном, я один.

Кухня представляет собой совершенно другой мир. Как в области запахов – здесь уже пахнет не кофе, печеньем и медом, а пивом, луком и специями, – так и в области чистоты и порядка: все на местах, прослеживается хозяйственная рука женщины. Самой женщины не видно. За столом сидит тот самый брат. Полный, даже слишком. Смешная темно-зеленая шляпа на манер Робин Гуда. Белая рубашка с большими черными пуговицами, коричневый жилет распахнут на обе стороны, брюки на подтяжках. Одет по-своему стильно. На столе металлическая пивная кружка с крышечкой.

«Братья – как два сапога разной коллекции, – думает Иосиф. – Один сидит в мастерской, пьет кофе и, судя по засученным рукавам и исколотым пальцам, работает денно и нощно. А второй, со слоновьим брюхом, вечерами заседает на кухне с кружкой местного. Скорее всего, лень оторвать зад, чтобы дойти до пивной»

– Все-таки не утерпел, решил высунуться? – с показным неодобрением спрашивает он.

Иосиф старается отвечать полными и как можно более емкими выражениями:

– Я хочу вас отблагодарить за то, что помогли спрятаться. Жаль, при себе нет ничего материального. Остается от всего сердца сказать большое человеческое спасибо! Мне нужно отправляться на поиски друга, которому из-за меня было суждено попасть в беду.

«Исключить употребление сленгов моего времени, – быстро размышляет он. – Избегать сокращений, изъясняться развернуто». Именно такая речевая манера кажется ему наиболее подходящей. Он пока не пришел к осознанию, что в этом времени люди, в большинстве своем, общаются точно так же, как и в будущем. Нужно только избегать новых словечек, а в остальном речевые обороты аналогичные.

Совсем скоро он придет к осознанию, что специфический язык Третьего рейха слишком сильно ввелся в устную и письменную речь, благодаря чему собеседникам сложнее выразить свои искренние мысли.

– Что у тебя за акцент?

– Австрийский, – вмешивается худощавый брат. Его очки поблескивают в электрическом свете. Под ними улыбка. Отдельными чертами он даже похож на Иосифа. – Да, я сразу узнал. У друга нашего отца, дяди Августа, было похожее произношение, помнишь? А ведь он большую часть жизни жил в Австрии.

– Языковед! – фырчит брат. – Дядя Август был иммигрантом Российской империи времен революции.

«Ты мне как собаке пятая нога со своими причинно-следственными связями!» – думает Иосиф.

– Может, оно и так, – огрызается худой брат. – Не важно. Зато по этому гражданину видно – он один из наших! Государственная принадлежность в таком случае уже не имеет значения.

«Наших?!» – не понимает Иосиф, молча наблюдая, как эти две противоположности пытаются определить его происхождение.

– Как твое имя?

– Меня зовут Иосиф. – Имя звучит слишком по-русски.

– Ты хотел сказать «Йозеф»?

– Что-то вроде этого...

– Что сможешь на это ответить? – Худой начинает говорить на идише.

Иосиф частично владеет этим языком. Худой заканчивает изречение и вопросительно взглядывает на Иосифа. Тот незамедлительно отвечает.

Мужчина удовлетворенно кивает:

– Ну, что я говорил? Один из наших!

В глазах толстого появляется интерес. Он ставит кружку и задает тот же самый вопрос, но на иврите. И тут Иосиф на высоте: он отвечает.

Братья кивают друг другу.

На радостях худой начинает цитировать строки из Священного писания.

– Стоп. Достаточно, – не выдерживает Иосиф. – Мне это ни к чему. Я не принадлежу к так называемым «вашим».

– Настали тяжелые времена, когда нужно скрывать свою принадлежность, но нам ты можешь открыться...

– Заканчивайте нести чушь! Вы помогли – на этом спасибо!

Братья переглядываются и решают прекратить расспросы.

– В этой одежде тебе не пройти и улицы, – говорит портной. – Раз уж собрался пускаться в бега, нужно слиться с толпой.

Через пять минут Иосиф расстаётся с полицейской формой, благодарит братьев и выходит за дверь.

– Я уважаю еврейский народ и не хотел никого обидеть невежеством, – говорит он, обернувшись. – Я сам в какой-то степени имею еврейские корни. Но, в отличие от вас, мыслю более глубокими категориями. Прощайте.

Глава 6

1

Берлин. Пасмурно и безветренно. Пыльный асфальт в ожидании атмосферных осадков. Кorteж из двух легковых автомобилей «Мерседес-бенц» и грузовика летит по Вильгельмштрассе. В ведущем автомобиле эскортирующие. В ведомом – Лабберт и Хорст. Не отстает и грузовик с ценным багажом в опломбированных ящиках.

Вереница пронесется мимо новенького здания рейхсканцелярии, отгроханной Шпеером по монументальным стандартам Третьего Рейха. На тротуаре люди в партийной форме замедляют шаг и вскидывают руки.

Колонна сворачивает внутрь канцелярского комплекса. Справа что-то вроде сада, слева – корпус длинного четырехэтажного здания. Ведущий автомобиль останавливается. Машину с Лаббертом тут же окружают сотрудники личной охраны Адольфа Гитлера.

У Лабберта начинает колотиться в груди. Перед ним открывают дверь и приглашают выйти. Всё это будто во сне. Пригнув голову, чтобы не задеть острый край дверного проема, он делает шаг, крепко сжимая под мышкой пузатенький портфельчик. Охранники почтительно расступаются и по канонам текущей эпохи приветствуют взмахом правой руки со словами «да здравствует Гитлер!». Лабберт отвечает полусогнутой рукой у плеча. Хорст надменно, но почтительно, как положено адъютанту высокопоставленного человека, движется за Лаббертом, почти маршируя.

Мраморные ступени поднимаются к зданию. Раскрываются двери, и бойким шагом навстречу выходит человек в коричневой форме НСДАП.

В эту секунду где-то за облаками проскальзывает фиолетовая полоска электрического разряда. Человек в коричневой форме поднимает лицо к небесам. Раздается грохот, от которого в оконных рамах дребезжат стекла. С крыши взмывает стая голубей. С портфелем Лабберта что-то происходит: он то тяжелеет, то легчает. Причем изменения в весе довольно ощутимы. Лабберт резко останавливается. Хорст чуть не ударяется ему в спину.

– Стойте! – Лабберт выставляет ладонь в знак того, чтобы член НСДАП прекратил приближаться.

Охрана Гитлера настораживается.

Человек в коричневой форме быстро проводит по коротким вьющимся волосам. Его бойкий шаг сбив, и теперь он почти крадется.

– Хорст, бери портфель и убегай не менее чем на пятьдесят метров!

Хорст действует незамедлительно. Подхватив «нестабильный» портфель, он срывается в бег.

Лабберт кивает: опасности больше нет. Партийный представитель делает несколько шагов по ступеням и, не прибегнув к официальному приветствию, протягивает ладонь для обычного рукопожатия. Оно у Рудольфа Гесса крепкое.

– Геноссе! Рад видеть.

– Простите за спектакль, который я здесь устроил, но в условиях беспорядочной электрической активности устройство ведет себя нестабильно.

Гесс дает охранникам знак, и, выстроившись в особом порядке, они образуют живое кольцо вокруг грузовика.

– Небесные явления в виде молний не могут способствовать внезапному включению, – заверяет Гесс. Он говорит уверенно, будто прочел инструкцию по эксплуатации.

– Я тревожусь за безопасность находящихся в этом здании. Мне не известны особенности прибора.

– Особенности известны мне! Зовите камрада и ничего не бойтесь.

С неба падают капли начинающегося дождя. Рудольф Гесс перемещает взгляд на плечо своего мундира:

– Идемте, наконец, внутрь.

2

Мрачная комната, в которой находится Лотар, ужасна. Стены здесь бетонные, отсыревшие. Приглядевшись, можно увидеть кровавые следы: результаты предыдущих допросов. Стол на тонких ножках, два стула – всё, что имеется из мебели. В потолок вмонтированы подвесные крюки. На них со связанными за спиной руками, как пленник в средневековом замке, висит человек из двадцать первого столетия. Ему выбили два зуба, разбили губы, рассекли бровь и, кажется, сломали нос. Правда, один из гестаповцев клятвенно уверял, что это даже не пытки, всего лишь легкий разогрев. На столе разложены инструменты. Сейчас они исполняют роль устрашения. Но Лотар плевать на всё хотел. Сегодня он получил свою порцию боли, если получит еще – просто потеряет сознание. Конечно, если бы не его темперамент, возможно, агенты были бы с ним более аккуратны, но что ни вопрос, то вместо ответа – отборный мат.

После непродолжительного перерыва во мрак допросной заходит гестаповец, которого Лотар прежде не видел. Маленький человечек в кругленьком пенсне похож на Гиммлера. Однако, к счастью или несчастью, это не он.

Следом заходят два экзекутора. Лотар готовится к очередному избиванию, но вместо этого его отвязывают, дают воды и усаживают на стул.

– С чего вдруг такие нежности после нескольких часов издевательств?

У человечка под стеклышками пенсне взблескивают глаза. Подрагивая тонкими губами, он начинает говорить детским голосом:

– Наши сотрудники не всегда применяют правильный подход. Увы, как в любом производстве не избежать бракованной продукции, так и в нашей работе случаются недоразумения. Я начальник этого отдела. Как только мне стало известно, что здесь происходит, я распорядился немедленно прекратить безобразие. Жестокие методы, применяемые нашими людьми, в большинстве случаев носят единичный характер. Я всегда был сторонником мирного общения. Ведь лучше вести спокойную беседу за чашечкой чая, чем по локоть в крови выслушивать нечленораздельные стоны.

– Вот, значит, откуда повелась эта игра... – шепелявит Лотар.

– Какая игра?

– Игра в плохих и хороших полицейских.

– Простите?

– Сперва применяют давление, потом меняют агентов и избирают более мягкую стратегию. Человек, памятуя о недавнем, готов рассказывать всё, чтобы снова не вернулся «плохой».

– В данном случае это не так. Тайная государственная полиция придерживается высоких моральных принципов и устоявшихся нравственных стандартов. То, что здесь произошло – единичная случайность, вызванная отступлением от норм недобросовестными служащими.

– Бла-бла-бла...

– Вижу, вам известны некоторые тонкости нашей нелегкой деятельности. Вы имеете служебный опыт?

– Я полицейский.

– Пожалуйста, более подробно.

– Подробно? – Лотар плюет кровью на пол. – Два часа я пытался как можно подробнее толковать вашим псам, что я ничего ни имею ни против вас, ни против Германии, политических мер и прочего, я всего лишь случайный свидетель, который попал сюда благодаря череде случайностей. К вашему времени и, следовательно, к вашей жизни я ни имею ни малейшего отношения, а значит, действия, направленные против меня, не несут в себе никакого смысла. Мне действительно известны принципы ведения допросов, но могу заверить: в полицейских участках Германии будущего людей не истязают. Вы звери в человеческой плоти!

Человек достает платок и протягивает Лотару:

– У вас на подбородке кровь.

Лотар вздыхает и принимает платок.

– Из какого вы времени?

– 2015-ый год.

– Должно быть, это совсем другой мир?

– Вы правы, это совершенно другой мир, – отвечает Лотар. – Мне остается только соблазновать, ведь рейх уже через несколько лет полетит к чертям вместе со всеми вами. Многие из вас погибнут, многие разбегутся, сменив мундиры на овечьи шкуры. А потом будет Нюрнбергский трибунал.

– Хотите сказать, Третий рейх не просуществует обещанную фюрером тысячу лет?

– Вы смешны, когда наивны. Рейх просуществует лет тринадцать или около того. Но, начиная с этого момента, до полного краха остается менее шести.

– И что послужит причиной? – интересуется гестаповец.

– Адольф Гитлер.

– Почему?

– Он предпримет серию стратегических ошибок. Тем не менее, вина за поражение будет распределена между многими представителями нацистской Германии. Герингом, который просрет воздушную оборону страны и не сможет обеспечить поддержку войск на фронтах. Заговорщиками, вроде адмирала Канариса, который обеспечит союзнические страны ценной информацией. Кстати, в конце войны отличится и ваш любимый Генрих Гиммлер: он, вместе с Шелленбергом, затеет сепаратный контакт с западом. Если бы Адольф вовремя порубил окружение и обновил кадры, положение стало бы немного лучше. Хотя всю ситуацию это бы вряд ли спасло. В одно прекрасное утро мир проснется, и в нем больше не будет третьей империи. Только руины и воронки авиационных бомб, но и в них той весной успеют заколоситься ростки.

Человек со знаками отличия, соответствующими гауптшарфюреру, встает, заводит руки за спину и начинает ходить по камере. После второго круга он останавливается напротив окошечка на уровне потолка.

«Откуда этот тип знает Шелленберга? – думает он. – Ведь он не герой уличных плакатов! Его имя известно только в узких кругах. Его не упоминают в газетах или по радио. Я не знаком с Шелленбергом лично, но со слов сослуживцев хорошо его знаю. Сейчас этот человек перемещается из штаба в штаб и выполняет поручения рейхсфюрера СС. И я не уверен, что он когда-либо пойдет на подрывную деятельность. Кто-кто, но только не Шелленберг!»

– Мне нужна полная информация! – нарушая тишину, говорит офицер. – Все, что вам известно о войне, заговорах и прочем. О себе можете не рассказывать, меня интересует только это.

Офицер решает сделать ставку на крупное. Рассказ допрашиваемого заинтересовал его. Он считает, что до смерти избить человека можно всегда, но лучше сделать это после того, как он выдаст информацию, пусть она даже кажется абсурдной.

3

Иосиф с присущей всем новичкам удачливостью выбирается из невидимого окружения сыщиков. В пункте, где он «пропал», до сих пор ведутся усиленные поиски. Он не знает, но через десять минут после его ухода из дома, в котором пришлось скрываться, туда вошли люди. Они допросили братьев – те ничего не сказали. Тогда агенты забрались на чердак, где обнаружили следы недавнего пребывания. Братьев скрутили и увезли в неизвестном направлении. Гестаповцы полагают, что наткнулись на хорошо законспирированную подпольную сеть. В их руках пока слишком мало информации, чтобы выстроить полноценную картину и понять, что подпольная организация тут ни при чем.

Чудом Иосиф пересекает зону интенсивного поиска. Это случается во многом благодаря одежде. Подаренные брюки с подтяжками, рубашка и шляпка неприметны. Большинство простых мужчин на вечерних улицах Мюнхена выглядят весьма схоже. Контраст создают лишь строгие костюмы и форма различных полувоенных организаций. От последних Иосиф старается держаться подальше. Один раз агенты тайной полиции серьезно подсаживаются на хвост и «ведут» до ближайшего переулка. В последний момент, не без участия сиюминутного везения, появляется машина, и информатор сообщает, что видел подозреваемого в двух кварталах отсюда. Преследователи переключают внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.